

84pg №
0-23

«ОБРАЗ»

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ
№ 1 2019 г.

Кемерово
Офсет
2019

16+

мес. 7-31-45

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач. _____

479-21/3

84Р6К
0-23

«ОБРАЗ» литературный альманах №1(20) 2019г.

Кемерово
Офсет
2019

102634(1)

Содержание:

Поэзия

Андрей Расторгуев	3
Татьяна Шишкина	8
Геннадий Калашников.....	14
Андрей Бабожен	28
Николь Воскресная.....	34
Софья Сыромятникова	39
Марианна Плотникова.....	65
Мария Берестова	69
Лилия Вахитова	73
Алёна Белавежская	85
Нина Александрова	89
Ольга Аникина	94

РФ Кемеровская обл.
г. Ленинск-Кузнецкий
МБУК "ЦЭС им. Н.К.Крупской"

Проза

Александр Чистяков	19
Лев Григорян.....	44
Олег Корниенко	79

ЦЭС
г. Ленинск-Кузнецкий
Студ. ...
1-й этаж

ПОЖЕРТВОВАНИЕ

Расторгуев Андрей Петрович (1964) – поэт, переводчик, публицист, член Союза писателей России. Автор ряда книг стихов, переводов и литературно-критических статей, многих публикаций в литературных журналах, участник нескольких антологий. Лауреат Государственной премии Республики Коми, премии имени Павла Бажова, Венедикта Станцева и ряда других литературных наград.

Андрей Расторгуев
г. Екатеринбург

Сторона бескрайняя –
глушь да белизна...
Ныпче Пасха ранняя –
поздняя весна.
Теплоты немножко
в небе да в груди
намаши ладошкою,
Господи...

Дождя и ангела в дорогу.
Дорога мокрая – так что ж?
Езжай пораньше, понемногу,
не превышай – на то и дождь.

А после в воздухе высоком
под паволокой голубой
следающий ястреб или сокол
крыла расправит над тобой.

Но ты недоброю приметой
не почитай их зоркий труд —
то ангелы нас эстафетой
из клюва в клюв передают.

Где клонится, да коренится
поубавившийся народ,
речка Белая Холуница
земляные породы трёт.

Речка Чёрная Холуница
моет корни невдалеке...
Всё двоится, чтоб сохраниться
на песке и на языке.

И, названиями не обманывая,
мимолётные с высоты,
затекают с Большою Малая
речки Белые под мосты...

Имена только, да навеяло —
не убавилось от потерь:
всея Малыя и Белья —
и Великия по теперь...

По мольбе твоей или судьбе
на ожесточающем ветру
по тебе, живая, по тебе
руки мои сохнут поутру.

На пути недолгом, налегке
редко переходим для двоих,
губы мои сохнут вдалеке
от короткой щедрости твоих.

Но опять становится вода
в первородной дымке голубой
влагою телесною, когда
мы соединяемся с тобой.

Лишь глотком, закинутым рывком,
в пересохшей напрочь глубине
горло перехватывает ком
от восторга быть наедине.

От щедрого ливня и ветра,
привычных к ночному труду,
вионов тяжёлые ядра
упали в густую траву.

Но солнечный ливень ответный
сквозит из балконных окён,
как будто погром несусветный
привиделся сквозь полусон,
и электроточную будку
пометить калёным тавром
не целили молнии будто,
железо дробя над двором,
и, в лёгком сплетясь одеяле
на простынях чистого льна,
чудесное нечто проспали
мы, не отряхнув полусна,
и в полусомкнутые веки
ещё не известную часть
в природе или человеке
опять опоздали прочесть...

Но выше прохладных резонов,
что, плотью живой горячи,

как тонкие стебли пионов,
мы не устояли в ночи.

Хочешь не хочешь – ступай за порог:
псу моему выходной ли, рабочий...
Утро холодное. Тёплый парок
овеществляется в пасти собачьей.
Солнце восходит при рыхлой луне –
скоро совсем до заката растает...
Азия стынет – иначе бы не
ветер её холодел в Казахстане.
Что Kazakhstan? Из такой же земли –
исполу мы олатинились тоже...

Дочери к дальнему морю ушли –
где нарыбаются, чем подытожат?
Нечего спрашивать, кто разлучил –
сам от земной перемены немея,
речи иной их не ты ли учил,
странной любви передать не умея?
Вот и не рви на себе волоса –
в них без того не застрянет гребёнка...
Вот и осталось – выгуливать пса
утром и вечером, точно ребёнка.

В лете, погодой пегом,
невдалеке воды
по молодым побегам
лиственницы седы.

Над купиной палимой –
знойный калёный дух...
Это всё тополиный,
лишь тополиный пух.

Пекло – ещё не спелость.
На глубине глотка
песня ещё не спелась
до пустяка.

До настоящего романа
собой, увы, не доходя,
жизнь, точно повесть графомана,
оскальзывается, хотя,
когда, как юноша бездомный,
оказываешься в былом,
открыв бездонный многотомный
картонный или электронный
фотографический альбом,
где, оживая – помяните,
во испытание уму
кровят оборванные нити,
собравшись в бахрому –
от созерцания светлеешь,
как будто заново прочёл,
и ни о чём не сожалеешь,
не забывая ни о чём.

Татьяна Геннадьевна Шишкина родилась 17 июня 1983 г. в г. Куйбышеве, проживает в г. Самара. Закончила Литературный институт им. А.М. Горького (2008-2014). Публикации: поэтические сборники: «Липы на асфальте» (2008 г.), «О чём поют наяды» (2015 г.); подборки стихотворений в литературных журналах: «Юность», «Волга XXI век», «Берега», «Подъём», «Русское эхо», «Идель», «Бельские просторы» и др. Участница 15 и 17 Форума молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья.

Татьяна Шишкина
г. Самара

Голос... Поза нарочитая...
Лунный... Белый... В общем – свет.
Там твои стихи засчитаны,
а мои – пока что нет.

Грею руки в листьях розовых,
ты пылишь на облака.
Не дождями, так неврозами...
Осень бьёт наверняка.

Словно бабочка-капустница
замираю по ночам.
Выжидаю: вот опустится
Божий выдох невзначай...

Диво чудное, приبلудное.
Звёздный промельк. Долгий звук.
И душевное, загрудное
заворочается вдруг!

Дальше знаешь: скверы, улочки...
От всего отрешена.
В час глубокий, час полуночный –
нежилая тишина...

А внутри – разноголосица,
соль на кончике ножа.
Тук-тук-тук – в ребро – попросится.
Не забыть, не удержать!..

Тишина... Но там – над кленами,
ветки в сторону клоня...
Кто сейчас рябymi кронами
отмахнулся от меня?

Так жила – ничего на плечах
и почти ничего за плечами.
Если было, за что отвечать,
то вон те за меня отвечали...

А вот эти смотрели за мной,
отмечали, как те отвечали.
Ни какой-то особой печали
не бывало, ни грусти какой.

Но вот эти смотрели и шли
следом садом за городом рядом
и свои разговоры вели
еле слышного тёмного лада

и не близко, и не далеко.
Где-то там – с колокольни высокой –
я ловила занудливый цокот
нессмолкающе злых языков.

Тридцать лет – в широте, долготе,
в бесконечно танцующем лете –
... и всё чаще молчали вон те.
Всё сильнее звучали вот эти.

Усыхали вокруг облака,
оседала к земле колокольня,
и ключицами остроугольно
проступала на теле тоска.

И как только у тех ничего
не нашлось: ни любви, ни глагола,
я услышала собственный голос
и почти не узнала его...

*Ибо раз голос тебе, поэт,
Дан, остальное — взято.*

М.Цветаева.

Время для всех одинаково,
но любит оно не всех...
Небо усеяно злаками,
звёзды лежат в росе.

Ходят жнецы-старатели
мутных больных кровей.
Кверху дорога – скатертью.
Холодно на траве.

Как тут лежится, стонется,
бормочется, жжётся как!
Музу тебе? Исполнится.
Только поглубже ляг.
Ванюши, Дуняши, Леночки
смылись на раз-два-три.

Больно стучит о стеночки
шарик стальной внутри.

Ждать и молиться истово
лучше издалека.
Здесь от креста до выстрела
бегло кровит строка.

Сполохом в ночь потянется
грома и молний Бог.
Вздогнут поэты-пьяницы,
а с ними – случайный лох,

что просит, на небо глядячи:
"Боже, сойди с коня!
Спаси этих странных дядечек
и младшенького – меня...»

Не говори ничего.
Просто – гляди, гляди,
мерно качая ногой,
на марево впереди.
Что там – огонь и лёд?
Небо-вода-земля?
Мысли уходят влёт
и выотся вокруг нуля –
гладенького с боков,
скромного, как раввин.
От блеющих облаков
до выщипанной травы

он дугами давит лбы
отскакивает как мяч...
Вместилище слов любых.
Не холоден, не горяч.

Он всюду, он – тут как тут.
Пробраться в него нельзя.
Ты держишь его во рту,
катая вперед-назад

с надеждой: внутри нуля,
быть может, мильён вещей –
и небо-вода-земля,
и вообще...вообще...

*И, колыхаясь, наклонилось
Любви истёртое крыло.
С.Городецкий*

Он стоит за спиной –
не со мной, а за мной –
мнёт перо на горящей лопатке.

Я роняю во тьму
чёрт-те что, а ему,
как и мне, вероятно, не сладко.

Говорю: погоди –
дай, проветрю в груди!
Ты чего ледником – по угольям?

Он молчит, а не врёт.
Только пёрышко мнёт,
но уже – не моё, а другое.

– Ты откуда принёс?
– Это ветер занёс.
– Коли так, я возьму да примерю!

И плечом повожу,

И на небо гляжу.
И, как всякая баба, не верю.

Весеннее

Поднимай от подушки голову.
Время – утро. Весна и дождь.
На губах горьковато-солono –
если вспомнишь, тогда поймёшь.

А не вспомнишь – пойдёшь приветливо
удивляться весне под зонт...
Облаков одеяло ветхое
бросит крошево на газон.

Здравствуй, всё! Под ногами чавкают
поздний март и апрель вчерне.
Городок отдаётся чаяньям
и не помнит своих теплей
предрассветных,

покуда розово
утро с крыши стекает вниз.
Сны и мысли приходят дозами.
Полчаса – и они слились

в шар гудящий, в сырое облако,
что смеётся, дождит, живёт.
И такое же в небе волоком
тащит солнце на свой живот,

проясняя. И ты доверчиво
начинаешь в него расти,
чтобы той же весной просвечивать
в загорелой большой горсти.

Геннадий Калашников родился в 1947 году в русской провинции. Работал в "Литературной России", "Литературной газете", в издательстве "Эксмо". Публиковался в журналах «Юность», «Новый мир», «Знамя», «Октябрь», «Грани», «Новый берег», «Дарьял», «Гостиная», в альманахах «День поэзии», «Поэзия», «Паровоз», «Лед и пламень», «Диалог», «Ковчег» и др.

Геннадий Калашников
г. Москва

Камчатка

Растет из языков подземного огня
колючих гор - за острой складкой складка.
Вулканами дымясь, туманами сипя,
из горьких вод вздымается Камчатка.
Здесь сотворенья гул. И россыпью углей
малиново светящийся кипрей.
Здесь молода земля - еще в ходу букварь,
опять учусь читать, читаю: Твердь и Тварь.
И прочно ляжет твердь, и встрепенется тварь,
и магма забурлит, ища себе исхода.
Горячий алфавит и каменный словарь,
у слова и горы единая природа.
И слово, и скала, есть грани - нет границ,
в колючие хребты впрессованы эпохи.
Гортанный рев реки, габброид и гранит
переплелись в кузнечной суматохе.
Оранжевы снега над тесной далью горной,
где выхвачен восход из пышущего горна.

И гулко бьет прибой, как молот паровой.

Сугулый поплавок в воде увяз по плечи,
намечен чуть пейзаж откосов и лугов.
Какой-то ночедень - не утро и не вечер,
запаяна вода по кромке берегов.
Откосов и лугов, узлов и тайных петель
не отразит вода недвижимой реки.
Все снасти, все крючки, все невода, все сети,
насторожившись, ждут - все снасти, все крючки.
Все сбудется, придет, все вновь на место
встанет,
забудется, уйдет и унесет с собой,
останется, пройдет... О, это трепетанье,
удилище творца согнувшее дугой.

О, жизни будние приметы –
весомость хлеба, прочность стен.
Рука касается предметов
неодинаково совсем.
Здесь что-то есть от рифмованья,
неуловимо слово тронь...
Вся суть поэзии - касанье,
она не зеркало - ладонь.

Куст малины

Н.К.

Куст малины, как город у моря -
черепичные кровли, сады...
Постоим, и послышатся вскоре
нам глухие раскаты воды.
Там сейчас занимается утро,
покрывается охрой карниз,
самодельных суденышек утлых

узкий парус в долине повис.
И воды голубое свечение,
и отчетливый воздух так пуст...
На какие еще превращения
ты способен, малиновый куст?
И зачем эта тяга к сравнениям,
разве сам по себе ты не прав?
На поляне, в траве по колени,
мощно-зелен, тяжело-кудряв.
В глубине твоей прячется птица,
ее голос беспечен и чист,
и под ветром слегка серебрится
вверх изнанкой повернутый лист.
Уколовший и душу, и пальцы,
куст малины невиданно густ.
И пора уже двигаться дальше -
не пускает малиновый куст.

Ночлег в пути

Твержу: забудется, запомнится,
клублюсь чужими голосами,
в слепое зеркало бессонницы
гляжу закрытыми глазами.

В чужом дому - чужие отзвуки,
течет луна по скатам крыши,
и души всех - живых и отживших
поют, а вот о чем - не слышу.

Ночлег в пути... Я это листывал,
и даже читывал немного -
равнина и река петлистая,
да плюс железная дорога,

и этот хор - живых и умерших,
и тяжкий перестук железа -
состав вконец ополоумевший
вдоль эту полночь перерезал.

Но ясно даже мне - не местному
и не пришедшемуся впору,
что не помеха он чудесному
и впрямь божественному хору...

Вдоль по обочине грязи брильянты,
мерзлых полей домотканых холстина,
солнце сквозь облако, как у Рембрандта
крепкая пятка блудного сына

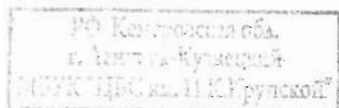
Манят поля, эти пажити, просеки,
красный, темного всплакнувший суглинок,
венецианские синие проблески
с охрой голландской, фламандским кармином.

Было легко и с водою проточною,
с ветром от стужи сутулым и пьяным.
Время струилось часами песочными,
жизнь пропуршала по колбам стеклянным.

Все позади - и вокзалы и палубы,
угли костров и остывшие клятвы
на горизонте леса словно жалобы -
так же случайны и также невнятные.

В общем, ни прибыло жизни, ни убыло,
да и неважно, чуть больше, чуть меньше,
чтобы в хламиду отцовскую грубую
крепко уткнуться лицом помокревшим.

102634 (1)

В притихшем парке вдалеке
оркестр играет под сурдинку,
моторка на Москве-реке
стучит, как швейная машинка.
Мне жаль осеннюю швею,
она весь день кроит, кромсает.
Твою судьбу, судьбу мою
швом сострочить не совладеет.
Струят последнее тепло
сухие плиты парашета.
Спрошу — и не дождусь ответа,
и лето в Лету отошло.
Над попрозрачневшей водой
под тонким небом серебристым
мелькают велосипедисты
по эстакаде ветровой.
Они промчатся в даль и в тень,
и в колесе сольются спицы.
Запомнить музыку и день —
он никогда не повторится.

Прощай, прощай... Я не вернусь назад.
Смотри — уже не жалеюсь, не плачу.
Какой-то полустанок, старый сад...
Чего стыдиться нежности собачьей?
В суровом августе огромный звездопад.
Качнулся мир и по-иному замер.
Никто не спит, нигде вообще не спят,
лишь облака с закрытыми глазами.

Александр Чистяков поэт, автор 4-х поэтических книг, общественный деятель, литературный работник. Член Союза писателей России и Русского географического общества, Директор Всероссийского открытого фестиваля молодых поэтов «МЦЫРИ».

Александр Чистяков
г. Москва

Некрасивая

Некрасивая девочка, наверное, и не могла родиться другой. Когда внутри тебя так много радости, зачем еще и красота. Но яркий внутренне человек, ярк и снаружи – пусть и нестандартно. Сплошная веснушка, и нос – маленькая плюшка, с виду – тоже сплошна веснушка и улыбка тоже сплошная – во весь рот и щеки, правда, зубы немножечко вразнобой и глаза – тоже немножечко вразнобой.

Родители наверняка ее очень любили в детстве, покупали яркие гольфики и пушистые платица под стать непослушным кудряшкам, которые никак не хотели заплетаться в косички, а из-под любой укладки всегда выбивался непокорный щенячий пух. Даже очки они выбирали ей яркие, красивые «не как у всех», хотя в те времена одинаковых серых костюмов коричневых платьев с белым передничком, взрослых ботинок и детских туфелек от фабрики «Большевичка».

Конечно, родители с грустью понимали, что на фоне детишек с работы или из соседского музыкального кружка их некрасивая девочка, такая хорошенькая сейчас в своей непосредственности, никогда не станет королевой

выпускного бала или знаменитой киноактрисой. Они тихо вздыхали об этом втайне друг от друга, но никогда не говорили, а только спешили наутро вместе сходить в парк, если был выходной, или будним вечером вместе придумать новую игру, или смастерить игрушку или аппликацию из хрустящей цветной бумаги.

Наутро она обязательно читала всей группе новый веселый или поучительный стишок, который сочинила «почти сама», только с рифмами папа немного помог.

А на прогулке в детском саду самые красивые бабочки и даже стрекозы не боялись присесть ей на пальчик, наверное, потому, что некрасивая девочка никогда не хватала их за крылья, а зимой на ее варежку садились самые красивые снежинки. И снежинки эти удивительно долго не таяли, несмотря на то, что ладошки у девочки всегда были теплые, даже если снять варежки в самый лютой мороз.

Мы, мальчишки все-все с ней дружили и не давали в обиду, но цветы почему-то дарили другим. А она, наверное, плакала из-за этого по ночам. Но почему-то мне кажется, что и слёзы у нее были прекрасные, как хрустальные бусинки. Я много думал об этом потом, когда в очередной раз ошибался в красивых женщинах. Тогда я вспоминал ту некрасивую девчонку, заранее жалел ее, не зная ни о чём. Ведь если бы она стала поэтессой, я бы с удовольствием читал ее стихи. Почему-то вот у таких некрасивых внешне, но светлых внутри девушек всегда получают красивые стихи...

А тогда, в детстве, наш дом снесли, и мы все разъехались по новостройкам и растерялись на долгие 40 лет. Недавно в книжном магазине я снова встретил ту некрасивую девочку. Теперь она стала очень даже красивой тетужкой. Даже бабушкой. Ведь с ней пришла покупать книжку внучка – сплошная веснушка, сплошная улыбка шире ушей с блестящими брекетами и очки в ярких клоунских дужках над рыжей непокорной челкой.

Красивая бабушка стала женой одного известного летчика, о котором даже писали в газетах, а сама всю жизнь работает в нашем (бывшем нашем) детском садике и, говорят, ежедневно вместе с ребятами месте придумывает новые игры, мастерит игрушки или аппликации из хрустящей цветной бумаги.

Паустовского 2

Всё по понятиям...

Когда к бильярдной на Паустовского подрулили 2 джина и из них посыпались братки, Хан проворчал:

- Ореховские. Это плохо. Не потянем. Сдавай своего фраера, Колян.

Пашка Бакин почувствовал томительный жим в промежности, однако натянуто улыбнулся и произнёс.

- Ребята, как договорились, я с ними сам поговорю. При вас они меня не тронут. Если не отбазарюсь, пусть ставят меня на счётчик, квартиру отбирают. Главное, чтобы я отсюда своими ногами ушёл, а не в багажнике уехал.

Колян в ответ только угрюмо кивнул и вышел из летней кафешки навстречу братве.

В 90-х Коля Армян был «смотрящим» в Ясенево. Не «в законе вор», но человек авторитетный. Ещё в конце восьмидесятых он сколотил банду из одноклассников, прессовал и ставил под крышу первые кооперативные ларьки, торговцев арбузами и прочую мелкую шелупонь. Потом приподнялся и от имени подольских прибрал к рукам весь район. Выкупил бывшую столовку на Паустовского 2 и решил открыть в ней ночной клуб с кислотной дискотеккой.

С поэтом Пашкой Бакиным его ничего не связывало, кроме общего двора и родной 156 школы, и общее детство с неизбежными драками между Пашкиным классом, в котором учились одни мажоры из чекистской

шестнадцатизэтажки и Коляновойкодлой, которую тот сколотил из пэтэушников, проживавших в соседней девятиэтажке, построенной для расселения барачков.

Пашка вернулся из армии в 90-м. Отслужил свои два года в Венгрии, как и положено офицерскому сыну. Но в отличие от одноклассников династию чекистов продолжать не стал и в универ не поступил. Поработал охранником, а потом ушёл делать карьеру в фирме своих более удачливых приятелей, получивших лейтенантские погоны на военной кафедре МГИМО.

Колян к детским дракам относился с улыбкой и по-соседски зазывал иногда Пашку бухнуть или разбить косячок в Битцевском лесопарке. Очень уж ему Папкины стихи нравились. Позже, когда Колян сел, Пашка посылал приятелю накичу свои первые книжки.

Собственно на таком дружеском перекуре и подарил Пашка Бакин приятелю идею Бильярдной. Дескать, клуб с вывеской ЛСДенс в Ясенево быстро разорится, ибо контингент не тот, а вот бильярдная в мажорском районе будет в самый раз.

Вот сюда-то и прибежал вчера вечером Пашка, поняв, что некий Вобла, помощник сенатора и олигарх, решил не просто поиметь с Пашки упущенную выгоду, но и поиметь самого Пашку в самом конкретном извращенном смысле.

Колян особой помощи не обещал – так, скорее проследить, чтоб все было по-пацански. А вышло вон как. Приехали Ореховские - ребята авторитетные, а Пашка был вольный стрелок и у подольских под крышей не числился. То есть, впрягаться за него Коляну было не по понятиям. Это понимали все.

- Здравствуй, Ренат, - сказал Колян, пожимая руку старшему из гостей. - Я тут вроде не при делах, но вот хочу послушать, как мой сосед отмазываться будет.

Пашка отмазался. Хоть и дрожал коленкой, но был напорист и красноречив.

Когда злые, немного сконфуженные братки покинули VIP-зал бильярдной, Колины пацаны облегченно выдохнули и погрузились в раздумья. Хан схватил бутылку вискаря, молча махнул полный хайбол и уставился на Пашку взглядом разъяренного питбуля.

Первым звенящую тишину нарушил Коля Армян.

- Кто-нибудь понял че это было? - спросил он, потом хмыкнул и со всей дури вмазал Пашке в плечо.

- Такого развода я ещё не видел. Ты же фактически их петухами назвал. И все чётко по понятиям, по полочкам им, по полочкам разложил. Видали, а? Я, говорит, поэт, а не пацан и вашим законам не подчиняюсь. Даже если вы меня в зад отымеете, я под шконкой спать не буду, а буду просто в другой тусовке модный. Но вот ребята правильные меня по беспределу обидеть не дают. А вы приехали на гнойного гомика работать, и кем вы себя ощущать должны, если под пидором ходить станете... Это Ренату-то? Ну, ты писатель даёшь!

Бойцы, будто проснулись, дружно заржали, загомонили, принялись откупоривать так и не початые бутылки, которые Пашка выставил ещё за час до стрелки. Молчал только Хан - второй человек на районе. Так и сидел со стаканом в руке. Потом поставил его и тихо так, хрипло спросил. Спросил так, как умеют говорить только настоящие авторитеты и может ещё редкие учителя в расшалившемся классе. Именно так, что все разом услышали и смолкли. Именно так спросил:

- Скажи мне, писатель. Выходит по твоему раскладу и мы все пидоры? Вписались за левого пассажира, как лохи. А ты, значит, из той тусовки, где на «просто так» играют и чпокаться в дупу не в падлу?

Все снова насторожились, и только Колян с кривой ухмылкой поглядывал на приятеля.

- Ну во-первых, - ответил Пашка. - Я не из той тусовки. И с педиком тем я не чпокался, и ты даже не видел, чтоб я с ним ручкался. Я просто кинул урода при

случае. Мы не на зоне, и ты, когда с кем-то бумаги подписываешь, то его масть не спрашиваешь. Ты же сам слышал, я по вашим понятиям не живу. А вписались вы за меня потому, что, помнишь два года назад, когда вы на летнике Колину тачилу обмывали, он меня сам за стол к вам позвал и сказал... Помнишь, Коль, ты сказал: «Вот сидит пьёт с нами даже не фрасерок, а так, прохожий. По понятиям он никто, но такие стихи пишет, что вы, братва, никому у нас на районе не позволяйте его обижать...»

Коля Армян улыбнулся ещё шире не покалеченной половиной лица.

- Слыхал? И тут развел по понятиям. Хан, да нам бы его в бригаду - кроликов разводить!

Теперь на месте той бильярдной мясная лавка. А большинство персонажей вымышленных и реальных лежат под красивыми памятниками на разных кладбищах или съедены рыбами в Москве-реке. И кто теперь скажет, что была, а что небыль.

Лавочки

Дом Ростовых. Историческое название – Усадьба Сологубов. Описан в романе Л.Н. Толстого «Война и мир», как дом Ростовых

Адрес: Россия, Москва, Поварская, д. 52. GPS-координаты: 55.757927,37.586595.

Лавочки у Дома Ростовых были замечательные – старорежимные с чугунным литьем, крашеным брусом, седушкой-волной...

Таких в Москве теперь и не сыщешь. А еще в конце прошлого века стояли такие лавки на всех бульварах – длинные, уютные с «линией Акерблома» – прогибом под поясицу.

Сиживать на таких было одно удовольствие. А летним вечером – так и вздремнуть!

Но тут в усадебном дворике на Поварской (бывшей Воровского) лавочки были все же особенные! Ведь полвека, не меньше, простояли они вокруг памятника Льву Толстому, воспевшему этот дом и этот круглый двор в романе «Война и мир».

И кто только не сиживал на этих лавках, пока в нем пребывал Союз писателей СССР и Международный Литфонд. Фадеев, Шолохов, Шукшин и Окуджава не раз протирали эти лавочки своими литературными брюками...

Особенно летом. Когда по соседству в Центральном Доме литераторов – «не сезон» и буфет работает только до четырех, а в знаменитом ресторане ЦДЛ дорого, да и душно. Вот и собирались классики тихими летними вечерами на этих лавочках, принося с собой выпивку и нехитрую снедь.

А что? За распитие в общественном месте не привлекут – закрытая территория, где только свои. Сквозь кованые ворота просматривается только Лев Николаевич в чугунном кресле на постаменте, а лавочки для «живых классиков» – они вокруг, за аккуратно подстриженными кустами.

Славное было место, культовое. А сколько великих книг здесь было задумано и «обмыто» в дружеском кругу собравшись по перу. Сколько переломано тех перьев!

А теперь этих лавочек нет. Не дожили они до нового века. Как Сталин из мавзолея были вынесены в ночи и сгнили в одночасье.

А дело было так.

Как раз на рубеже веков, наш главный киноклассик Никита Михалков был отмечен нелицеприятным скандалом. Мальчишка нацбол закидал режиссера яйцами на каком-то очередном политическом сборище. Никита Сергеевич велел охальника поймать, заломать ему руки и держать крепко. Все телеканалы не раз показали, как

разгневанный небожитель бил беззащитного парня ногой по лицу.

Не мне осуждать старших; но я верю в закон Всемирного Равновесия, закон бумеранга, а по-научному – в закон сохранения энергии.

В общем, будь ты хоть трижды классик, а кто ногой махнет, тот с ноги и получит. Эту теорию подтвердил как-то молодой авангардный поэт Леха Рафиев. Как раз где-то за месяц до исчезновения лавок из Дома Ростовых вышла у Лехи первая книжка стихов в серии Горбачёвского фонда.

Презентовали серию скромненько. Демократично. Собрали в Доме Ростовых, в Союзе писателей, молодых пиитов, пяток журналистов и пару профессоров Литинститута. Пииты прочли по стишку, получили заветные книжки, издатели и писатели их похвал или, да и отправили всех восвояси. Даже без фуршета.

Журналисты, конечно, обиделись, но унывать не стали. С пиитами скинулись, закупились да и устроили свою презентацию на тех самых знаменитых лавочках дома Ростова у кресла Толстого.

С тех пор и повадился Леха проводить вечера в компании пишущей братии на знаменитых тех лавках. Даже укропчик с петрушкой на клубе тайком высадил, чтобы на закуси экономить. Да вот не успел собрать урожай.

В те годы жив был ещё родоначальник династии автор трёх гимнов Сергей Владимирович Михалков. Его бордовая Вольво единственная могла заезжать в этот двор и парковаться у парадного подъезда.

Тем злополучным жарким вечером Леха так увлекся творческим спорами под пиво, что чуть было не упустил момент конденсации.

Вскочил Леха с лавочки, метнулся ко входу в писательский дом и понял, что не успевает, прям, как Наташа Ростова перед входом французов в Москву.

Вот и пристроился Леха между кустиками и автомобилем классика, наматывая струйку на колесо. А тут как раз выходят из парадного подъезда папа с сыном - оба классики.

– Да знаешь ли ты, мерзавец, чью ты машину посмел оросить? – Воскликнул Никита Сергеевич и вызвал мерзавца на бой, приняв боксерскую стойку.

– Я, между прочим, неплохо боксирую. – Заявил киноклассик мерзавцу.

– Ну, тогда держи! – сказал Леха и смачно пробил с ноги. Прямо как недавно классик бил по лицу молодого нацбола. Пробил поэт пенальти режиссеру и убежал.

Вот так опять сошлись удар ногой и яйца.

Сдаётся мне, это был лучший Лехин перформанс.

Только вот лавочки исчезли в ту же ночь. А жаль. Хорошие были лавки во дворике Дома Ростовых.

Бабожен Андрей Владимирович, родился 15 января 1982 года. Член Союза писателей России. Публиковался с 2007 года: в газете «Культура Забайкалья», «Слово Забайкалья», «Невский альманах» и др. Вышли в свет книги: «Я заболел осенними ветрами», «Любви хрустальный свет», «Моя тридцатая зима», «После дождя».

Андрей Бабожен
г. Чита

Окрестите мою душу!

Окрестите в чистом храме мою душу,
Отпустите, словно птицу, тяжкий грех!
Десять заповедей больше не нарушу,
Обернув свою печаль в счастливый смех.

Не желаю по Руси святой скитаться,
Быть бродягой, как когда-то, силы нет.
Я хочу любовь найти и с ней остаться,
Да испить до дна ни полночь, а рассвет.

Над Россией в синем небе ворон кружит,
На погибель чью-то, видно, прилетел,
Непогода в белом поле снова вьюжит,
Вижу сон: меня выводят на расстрел.

Ах ты, Родина моя, не плачь, не надо,
Тишиной январской грудь мне не волнуй,
Лучше дай побыть в плену у снегопада,
И твой в памяти оставить поцелуй!

И пускай все проклинаят злую стужу,
К дням весенним оборвалась правды нить,

Окрестите в чистом храме мою душу,
Чтобы смог её я верой исцелить!

Сторона моя лихая

Дремлют тонкие берёзы, тишиной дыша,
Где-то тут роняет слёзы беглая душа,
От погостов чёрно-белых чей-то плач и стон,
В старом храме отпевают – грустный перезвон.

Облака в закатном небе уплывают вдаль,
Скоро день воскресный сменит звёздная вуаль.
Запылённые тропинки ждут грибных дождей,
Дико ветры обрывают листья с тополей.

Вера в Бога не спасает, рвётся счастья нить,
Два пути Русь выбирает: воровать и пить.
И опять везут кого-то в северный острог,
Сердце горькое томится в тысячах дорог.

Здесь родятся боль и воля, проза да стихи,
Сквернословие и нежность, храмы да грехи.
Всё едино в этом крае. И так будет пусть!
Сторона моя лихая, ситцевая Русь!

Льняное утро

Льняное утро ластится к деревьям.
Дорога наряжается в туман.
Дворняжек лай языческим поверьем
Доносится, как эхо, как обман.

Сирени цвет глядит из-за ограды,
Он для меня – любимая родня.
От петушиной звонкой серенады
Проснулся день у старого плетня.

Подбросил ветер солнце, как монету,
И озарил небесный монолит.
И любо сердцу радоваться свету,
Что странником за ставнями стоит.

Душе легко в заштопанной рубашке
Дышать свободой родины моей,
Там, где гадает лето по ромашке
На простыне непаханых полей.

Письмо Богу

Я с утра письмо отправил Богу
С почтальоном – вольным сизарём,
С тем, что прилетел ко мне в подмогу,
Сев на подоконье за стеклом.

На листочке в клетку из тетрадки
Попросил прощенья перед Ним,
А ещё черкнул, что всё в порядке
У меня, пока я не один.

Ничего другого и не надо.
Счастье – жить лишь собственной судьбой,
Только пусть под лёгким листопадом
Близкие останутся со мной.

А ещё немного благодати
Дать России – родине хлебов,
Где берёз свисающие пряди
Слушают мелодии лесов.

И пускай помощник мой над миром
Ветерка касается крылом,
Невесомо, еле уловимо
Вверх летит за облаком с письмом.

И оно дойдёт Ему, поверьте,
Оттого душа волнует плоть.
Аккуратно вывел на конверте
Адрес: Небо, Райский сад, Господь.

Моё счастье закатное

Ты – моё счастье закатное,
Что полюбила, губя
В сумраке дня непонятное.
Как же я жил без тебя?!

Грустное и торопливое,
Нежное, будто лоза,
Как сновидение – милое,
Горькое, словно слеза.

Лунной дорожкой тоскливою
Едешь в мой маленький мир,
Песней хрустально-красивою
Снова выходишь в эфир.

Где я тобой зацелованный,
Мной зацлована ты,
Пялится месяц взволнованный
В наши нагие мечты.

Так не грусти, моя звёздочка,
В звёздной своей вышине!
То не гроза – просто блёсточка
Нам говорит о весне.

Манит нас вдаль необъятное,
Только плохого в том нет.
Ты – моё счастье закатное,
Что подарила рассвет.

По осеннему скверу

По осеннему скверу
Я брожу не спеша.
В сердце вымощу веру —
Пусть ликует душа!

Обнажённые кроны,
Что стоят без листвы,
Почитают законы
Жизни новой главы.

И от этого зябко
В одиночестве мне.
С неба светит лампадка
В колдовской тишине.

И, продрогший немного,
Я смотрю вновь туда,
Где уходит тревога,
Как в землю вода.

А когда вечер в поле
Обретёт свой уют,
За большое застолье
Ко мне гости придут.

Брызнут песни хмельные,
Как простое вино,
И спросонья Россия
К нам заглянет в окно.

Я по-другому не умею

Занепогодило немного
Над голоушьим городком,

И дышит скучная дорога
Полу-осенним холодком.

Уходит лето за туманы,
Оставив след в огарках дней,
Ещё не кошены поляны,
Но вечера стоят темней.

Тоскливо сердцу отчего-то,
Грустит строфа в больных стихах.
И то ль тревога, то ль забота
В бессонных маминых глазах.

Не жди меня, ложись, родная,
Ступила ночь на наш порог.
Поспи, усталость прогоняя,
Я посижу ещё чуток.

Мне в этом августе не спится,
И грусть, и счастье в нём одном.
Быть может, песня, словно птица,
Устало сядет за окном.

И я впущу её – бедняжку,
Просохнут пёрышки на ней,
И люду душу нараспашку
Открою песенкой своей.

Пускай казнят мою затею
За слово, рифму и строку,
Я по-другому не умею
И по-другому не могу.

Николь Воскресная родилась 10 апреля 1990 года. Автор книг: Сборник стихов «Акварели» 2011г. Сборник стихов «Гранат» 2014г. Переизданы в 2015году. В 2016 году вышел новый сборник «Никтофобия». Член СПР.

Николь Воскресная
г. Владивосток

S.o.S.тояния (Отомстила)

Резать вены? Бессмысленно, больно,
не умрешь, только кровью запачкаешься.
Боль растает, горечью, солью,
сигареты, последняя пачка...
Дождь все время по нервам, люголем,
пахнет море, тошнит, словно в качку,
ты забытый, знакомый не боле...
Отомстила и больше не плачу.

Рассвет

Режим ожидания – кома.
Ты дразнишь меня своим светом,
окно высотного дома,
одно догорит до рассвета.

Круги на воде рисует,
осенний уставший ветер.
И тот, кто опять рискует,
проснется один на рассвете.

Моей тишины не нарушит,
чужая нескладная песня.

Певец будет нежно задушен,
алою лентой чудесной.

Есть только ты и ничего вокруг,
пустые сны без продолжения.
Ночь замыкает этот круг,
где ни побед, ни поражений.

И все не так и музыка не та,
мне неуютно в этом теле
жить в ожидании огня,
и в ожидании метели.

Закрты наглухо замки,
и смысла нет в перерождении.
А ночи слишком коротки,
чтобы искать в них утешение.

По мне давно плачет погорелый театр,
или дешёвое шапито.
А все эти фразы с привкусом мяты
не то, совершенно не то.

Смотри, облака как сценарий измятый,
и я замерзаю в твоём пальто.
Ты смотришь устало и виновато,
из отражений, мой глупый Пьеро.

Не плачь, грим течет, без лица б не остаться,
почтенная публика ждет!
Ты правда ведь станешь им улыбаться?
Улыбки включены в счет...

Инкогнито

Оригиналы забыты напрочь —
я всего лишь копия копий.
Спой мне песню самую страшную на ночь.
Что на завтра в моем гороскопе?

Повторится моё наважденье,
или я про него забуду?
Так тревожно опять пробужденье,
никакой надежды на чудо.

Всё уже согласовано с планом.
Многоликое «мы» безгранично.
Забывая о самом главном,
я инкогнито и обезличена.

Замершая, как перед бурей,
закрывшаяся, как от боли.
Бог, помоги дуре
остаться навечно собою!

Душа, с одним крылом бабочка,
её не сберечь зимой.
Убить легче сразу, не пачкая,
рук, ядовитой пылью

И эту отравную сладость,
не вытерпеть, не пережить,
такая случайная радость,
и без толку воровать...

Dominus

Клянущийся лжет,
а видящий слеп.
Огонь что не жжет
- блуждающий свет

Страшнее всего,
терять тишину,
и слишком легко,
забывшись в бреду.

На каждую боль,
спасительный яд.
За главную роль,
ты будешь распят.

Моя тень хромает на обе ноги,
разочарованно машет крылом.
Напускной дешевый трагизм,
и сгоревший карточный дом.

А водоем, в котором утонет печаль,
очень сильно похож на омут.
Я в твоих бесконечных речах,
потеряла и брод, и голод.

Вечный трепет теперь только роль,
надоедливый скомканный бред,
и душа волочит крыло,
по дорогам сквозь сотни лет.

Черно-белые все вокруг,
ярко-красная я.

Я роняю слова из рук,
в свинцовую грязь бытия.
Темно-серый, улыбчивый друг,
это ты или тень моя?
Улыбайся и бог Мардук,
чем-нибудь наградит тебя.
Для катрена найти бы звук...
Вавилон бессмертен, а ты, змея?

Тот, кого поцелует русалка, будет навечно жив.
Соленый ветер, слезам не верь.
От слов нет проку, они как ножи,
заточены под трепетную руку,
хозяина, которого любит зверь,
а любая встреча разлуку.
И даже если рассвет обманчив и лжив,
не ждать его не посмей.
Любой обрывающийся мотив,
лучше того, что навевает скуку.

В это путешествие можно взять только себя,
да пару воспоминаний.
Закружит, убаюкает мама - земля.
Мир - коробка с куклами без названий.

Тяжело писать, пальцы вязнут.
Дисгармония точек, светящихся вне.
Монологом пустым и бессвязным,
знаки капель на мокром стекле.

Серединное существо:
между всем и ничем только звук.
Но уже не позвать его,
Только буквы роняю из рук....

Сыромятникова Софья Сергеевна (1987 г) – поэт, член Союза писателей России, автор книг «Вселенная в чашке чая», «Соломенные сны» и «25 мартабря». Руководитель Центра поддержки и развития чтения Самарской областной универсальной научной библиотеки. Постоянный автор всероссийского литературного журнала «Русское эхо». Живет в Самаре.

Софья Сыромятникова г. Самара

Латунна лань

Латунна лань
На самой гладкой полке
Луна в осколках движется на дне
Подтаявший на самой глубине
Пергамент сна
Запутанный в заколках
На тёплой и любимой голове.

Пугает дождь осенним постоянством
Роня бусы спелых желудей
Нас обвиняют в лепости и пьянстве
Но нас таких здесь большинство людей
Закутанных в дешёвом синтепоне
Замученных бумажной суетой
Латунна лань покоится на лоне
На гладкой полке праздно налитой
И пусть твердят тебе что мы утонем
Но мы плывём под солнцем и луной.

Здесь солнечная цедра над метелью
Сменяется процеженным огнём,
И жалуется снег перед купелью,
Становится пристыженным дождём.

В великое пространство ход уводит –
Искрится фиолетом колея.
И кажется бескрайним, и свободен
Мой дух в янтарном небе без меня.

Настала ночь и в чёрном балахоне
Куражится, поклоны бьёт, вино
Пьёт из серебряных купелей в Авалоне,
От губ холодных тянется тепло.

И в небесах, лазурности лишенных,
Взывает словом-вязью гробовой,
Колонны авалонцевоглашённых
Упали. Был ли кто живой?

Теперь же будем пир небесный править,
Ещё играют Шуберта в саду
И Гёте чётко шаг, пора оставить
Ночную колею на поводу.

Уходит ночь, но снег ей как помеха:
Цепляется за царственность мехов,
Проел в мехах лазурную прореху,
И небо поднялось из берегов.

Впервые я увидел мир ночной,
Когда душа наполнилась камнями
И высился жемчужною трухой
Гербовник звёзд в оконной тусклой раме,

И стройные ряды в душе зажглись,
И страшные образовались реки,
Прекрасно освещённые, как высь,
Пространством, убивающим навеки,

И кажется, что лунные огни
Светить собою смогут беспробудно,
И в горном серебре погаснут дни.
Легкопыланьем и золою скудной

Сумбурность ярких красок развести,
Добавить золотой осадок вязкий
Духовного сюжета, и свети
хоть две луны, и звёзды, словно астры.

Набрось, творец, атласную чадру
На тусклую безжизненную раму:
Я сквозь неё увидеть не смогу
Ночную вековую панораму.

Кёнигсберг

В этом городе каменные часы
Как весы
Между светом и дном
Я живу за прудом
На котором белые птицы
Рядом улицы
Словно спицы
Тонкие
Что с трудом
Проникаешь в них
Начиная ходить в одних
Невесомых как сеть одеждах
Забывая на тень смотреть

И оставив ее конечно
В этом городе тихо тлеть

Откройте рот
и мед
возьмите медной ложкой
впишите заголовок
в краешек листа
как береста белеет
жир подкожный
и лазуритом глаз
смеркается
в местах
забытых и ночных
не длинных и похожих
луна как лунь
как лоно
как мое
сердечное
«прокрустовое» ложе
и буквы в заголовке
воронье
слетелись
ох уж эти буквы
откройте рот
закройте все глаза
и ты закрой
и вы закройте тоже
ломается под буквой береста
и рогом лунным светится на коже

изумруд в грязи Нила
оборотная сторона тела
паук не видит разницы между мухой и

МОТЫЛЬКОМ
мы с тобой выходим под ветер
и земля уже зачерствела
голубоглазые ливни покинули
этот дом

а если луна найдется
в невысохшем стакане
ты спросишь меня как тонко
я слышу хрустальный звук
а я не просто слышу
он меня заполняет
я становлюсь этим звуком
не чувствую губ и рук

Он одет в широкое
Она в одинокое
Серое источенное
Источенное
Оба верят в пророчество
Заклочённое в рамки «затемно»
Одним полем в ночи бродят
Одним лесом дышат
И вроде радия светятся
Когда видят
Ковш белой медведицы
И когда соседи
Рассосеживаются
И вокруг тишина
И можно укутаться
До самой макушки
И слушать
Как в детстве
Слушать
Сказки Пушкина

Григорян Лев Арменович, 1980 г.р. Рассказы, сказки и стихи публиковались в журналах «Дарьял», «Веси», «Литературная Армения», «Северо-Муйские огни», «Огни Кузбасса», «Истоки», «Русское эхо», «Изящная словесность», «Юный техник», «Огни над Бией», «Молоко», «Северный вестник», «Великороссь», «Наша улица», альманахах «Земляки» и др.

Лев Григорян
г. Москва

Начало смотрите в №2 и №3 за 2018 год

Посвящается Анне Ивановне и Льву Николаевичу Фёдоровым

Алое знамя Тальянцевой Веры

Часть 3

Осенью Алёну и Лёню приняли в комсомол. А Вера осталась пионеркой: среди комсомольцев со стажем не нашлось для неё поручителей. Класс продолжал бойкот.

Родители Веры, год безвылазно прожившие в Ростове, стали часто ездить в командировки. На две-три недели отправлялись в Германию, Веру с собой не брали. Много времени проводили в Москве, возвращались задёрганные, мрачные. Подолгу спорили о чём-то на кухне. Веру с Алёной выгоняли на улицу. Изредка отца Веры приглашали в райком, а то во Дворец пионеров – сделать доклад о текущем моменте. Затем, спустя месяц, иногда полтора, начиналась новая командировка.

Вера приучалась вести хозяйство одна. Впрочем, Алёна забегала к ней почти ежедневно, помогала с готовкой, а больше судачила о разных школьных делах.

Видно было однако, что школьная жизнь уже не так занимает Веру, как прежде. Куда сильнее её интересовала

международная обстановка: Вера жадно просматривала газеты, приходившие на имя отца, замирала, когда репродуктор передавал последние известия.

Алёна понимала, что Вера тревожится за родителей. В чём конкретно заключалась их деятельность, Алёна не знала и никогда не спрашивала: ясно, что работа была чрезвычайно секретной.

Не удивилась она, и когда соседи Веры по коммуналке куда-то съехали, а новых жильцов так и не появилось. Видно, дело касалось настоящей Государственной тайны, думала про себя Алёна.

Правда, Алёне запал в память один эпизод, во многом так и оставшийся непонятным. Ещё в январе, заглянув как-то к Вере, Алёна застала всю семью в непривычном воодушевлении. Тимур Альбертович, Верин отец, мерил шагами комнату, потрясая сложенной вчетверо газетой:

— Вот! – говорил он. – Свидетельство, наглядное подтверждение! Первая ласточка. И, значит, не зря, не зря – всё, что мы делаем... Дайте я вам зачитаю.

И он зачитал. Рутинное скучное сообщение. Канцелярский язык. Алёна осталась в недоумении: что с того? Членкор Академии, известный физик *такой-то*, директор недавно открытого института – в числе прочих избран действительным членом Академии наук СССР. Причём же тут «ласточка»? Отчего «всё не зря»?

Но лица родителей Веры светятся искренней радостью. И у Веры тоже в глазах блестят огоньки.

— Он что, друг семьи? Или родственник? – спросила Алёна, когда они с Верой остались наедине.

— Нет, посторонний, – Вера пожалала плечами.

— Так в чём же тогда... – начинает Алёна, но Вера подносит палец к губам.

— Тсс! Поклянись, что не скажешь. Никому, никогда, ни за что.

Алёне становится не по себе.

— Клянусь, — шепчет она неуверенно.

— Поклянись страшной клятвой! Алым знаменем! Ну? — сурово командует Вера.

Алёна клянётся — честью красного знамени, нерушимостью дружбы и жизнью.

И Вера, словно реликвию, приносит ей обрывок газеты, обёрнутый в прозрачную плёнку. Газета другая, не та, что читал Тимур Альбертович. Но год на ней нынешний, тридцать девятый. И дата та же. В углу некролог в чёрной рамке.

Алёна читает:

«В результате несчастного случая... ушёл из жизни... на сорок пятом году... известный физик, директор...».

— Это как понимать? Он что, умер? А чего же вы...

Вера вновь прерывает:

— Не умер. В том-то и дело.

— А как же газета?

— Их две. Одна сообщает неправду. Мама с папой... спасли человека, и вот эта газета ошиблась. А та оказалась права.

— То-то выйдет нахлобучка редакции! — веселится Алёна. Теперь она смотрит на Веру, на всю их семью другими глазами. Шутка ли — спасти человека?!

* * *

Сериал прерывает реклама. Дружный вопль молодёжной компании, отхватившей заветную скидку на какое-то очередное исчадие моды, тревожит бабушкин сон. Реальность на миг берёт верх над фантомами прошлого.

«Была ли вторая газета? — думает бабушка. — Спасли они и вправду кого-то? Или всё это грёзы, попытки найти оправдание? Ложная память о том, что не сбылось? О том, что могло бы быть правдой».

Ведь что-то же было ещё. Позже, позже... О чём до сих пор тяжело вспоминать.

Лучше о другом. Рассказать Денису, как выгнали Прошина, как утихла ребячья ненависть к Вере.

Бабушка устраивается поудобнее в кресле. Её вновь окутывает дрёма.

...Отгремел Первомай. Близился к концу учебный год.

Тане Аварской на день рождения ребята подарили белого кота. Кот отличался царственным спокойствием и ленив был необычайно. Он щурил голубые глаза, урчал, когда его гладили, но заставить его сдвинуться с насиженного места было решительно невозможно. Увы, невозмутимость кота оказалась обманчива.

Как-то раз после занятий Таня принесла питомца в школу – упросили её пионеры, сочинявшие для стенгазеты «Мяучую поэму». Зина Лютикова, художница из пятого «Б», хотела зарисовать кота с натуры.

Окна в классе по случаю тёплой погоды были открыты. И кот, воспользовавшись моментом, живо сиганул на подоконник, оттуда в кусты перед школьным двором, и был таков.

Таня, пионеры, девочки постарше с визгом бросились ловить беглеца. Но тот как сквозь землю провалился. Таня плакала. Обыскали дворы и подвалы ближайших домов – всё без толку.

Лёня предложил расклеить объявления на столбах и подъездах. Призвали на помощь юннатов. Алёна и Таня до самого вечера корпели над «канцелярской работой» – составляли текст, переписывали, разрезали на квитки толстую ученическую тетрадь.

Юра Прошин, заложив руки в карманы, сообщил, что кот, вероятно, подался в леса, и теперь его уже не найти: либо сам одичает, либо задерут его волки. Прошина прогнали, но общий энтузиазм понемногу схлынул.

Вера в поисках участия не принимала.

— Кот домашний, далеко не уйдёт, – сказала она. – Погуляет, вернётся.

— А как он дорогу отыщет? — с укором бросила Таня, подняв на Веру покрасневшие от слёз глаза. — Это ж тебе не собака. А если его уж на свете нет?! Бессердечная ты!

Вера передёрнула плечами и отвернулась.

...Нашёлся кот через день. Третьеклассники-октябрюта, проходившие мимо пришкольной беседки, услышали жалобный мяв откуда-то сверху. Белый кот, отошавший от странствий, шерсть вся в репьях, сидел подобно диковинной птице на ветвях старого вяза, росшего обок беседки. Отчасти Вера права оказалась — ушёл кот недалеко.

Но как его снять? До ветки, где пристроился усатый горемыка, от земли было метра четыре, а то и все пять, и сам он слезть, похоже, не мог.

Едва отзвенел звонок с последнего урока, Таня, Алёна и добрых две дюжины школьников собрались под вязом, решая, как быть.

— Лестницу бы, — говорили одни.

— Где ж такую высокую взять? — возражали другие.

— Палкой сбить его. Или камнем, — предложил вездесущий Прошин.

Кто-то из ребят полез на дерево, но тут же, ободрав ладони, съехал вниз: ствол был слишком широк для обхвата, а сучья росли далеко друг от друга.

— Надо вызвать пожарных, — сказал Лёня.

— А приедут? Пожара-то нет, — усомнилась Алёна.

Пока судили да рядили, к беседке подошла Вера.

— Дайте, я... — сказала она. И слегка наклонила голову, оценивая расстояние до нужной ветки. Кот, будто почувствовав что-то, тревожно взмяукнул.

— Куда? — испугалась Алёна.

Но Веру было не удержать. Сбросив сандалии, она ухватилась за нижний сук вяза, подтянулась, выюном поползла по стволу, цепляясь за неровности шершавой коры.

— И эта доносица здесь! — услышала Алёна голос Прошина. — Чу! Куда лезешь? Спускайся!

Густая зелень листвы скрыла Веру от глаз одноклассников. Затем её платье мелькнуло выше, там, где от ствола отходила разлапистая пышная ветвь, на которой и замер, съёжившись, несчастный кот.

Все взоры устремились на Веру.

Налегая всем телом на ветку, она протянула руку — и кот мордой потянулся навстречу. Ветка опасно заколыхалась. Вера быстро взмахнула ладонью, возвращая равновесие. Кот отпрянул назад, к самому краю зеленеющей ветви. Шаткая опора под ним заметно прогнулась.

— Осторожно! — не выдержала Алёна. Кто-то из девчат ахнул.

— Спускайся, ты, дура! — крикнул Прошин. — Убьёшься!

Вера, глядя прямо на испуганного кота, прошептала что-то одними губами. Кот протяжно мяукнул, делясь с миром своею тоской. Вера плавным движением придвинулась ещё ближе. Кончиками пальцев коснулась подшёрстка на кошачьей груди. Ещё чуть-чуть бы!

— Да спихни ты его вниз! — завопил Прошин. — Он кот! — понимаешь ты? — кот! Они падать приучены, а от тебя — мокрое место останется! Ненормальная, чокнутая...

Лёня шагнул к нему. Скомандовал:

— Умолкни!

— Да вы все с ума посходили с этим котом! Жизни не жалко! — прошипел Прошин. — Я ему сейчас...

Не окончив фразы, он подхватил с земли горсть камешков (беговая дорожка на школьном дворе была посыпана гравием) — и швырнул со всего размаху, метя в ненавистного кота.

Часть снарядов достигла цели. С отчаянным воплем кот соскользнул с ветки, перевернулся в воздухе через

спину и, приземлившись на все четыре лапы, стремглав бросился в кусты. Таня Аварская помчалась за ним.

Ветка же, за которую цеплялась Вера, спружинила, резко дёрнулась, и, к ужасу всех собравшихся, Вера сорвалась вниз.

Упала она ничком, глухо. И в первое мгновение казалось: всё кончено. Алёну словно пронзило током, стало тесно в груди.

— Убилась... — прошептал кто-то.

Но Вера шелохнулась. Привстала на колени. Опираясь одной рукой оземь, попыталась подняться. По мертвенно-бледному лицу её поползла струйка крови из рассечённого лба.

Алёна успела заметить, что и Юрка Прошин бледен как мел. Ребята, стоявшие рядом с ним, расступились, отшатнулись прочь, будто от прокажённого, и Юрка попятился.

— Я... что же... я... — бормотал он бессвязно.

Вера, так и не молвив ни звука, поднялась на ноги. Колени её были разбиты в кровь, школьное платье в земле. Но сильнее всего Алёну поразило её лицо.

Так и запомнилась на всю жизнь эта картина.

Высокая черноволосая девушка... голова склонена чуть вперёд... глаза, опалённые ненавистью... крепко сжатые зубы — не то от боли, не то от гнева... выражение слепого, яростного упорства, превосмогающего все прочие чувства...

Ребята замерли, ошеломлённые, не в силах двинуться с места.

Вера сделала шаг по направлению к Прошину. Качнулась, упала на колени. Поднялась снова. Ещё один шаг... Прошин дёрнулся, как от удара, отскочил, спотыкаясь... и побежал прочь, наутёк, всё скорей и скорей.

Алёна же, которую в последние мгновения словно сковал паралич, вдруг почувствовала себя легко-легко. Что-то словно вдруг отпустило. В одно движение она

очутилась рядом с Верой, обняла за плечи, подхватила под локоть, лишь бы не дать ей упасть.

Рядом появился Лёня, за ним Федька Граев, Нина Сомова... Все загалдели, перебивая, не слушая друг друга. Вынырнула из кустов Таня Аварская с ошалелым котом на руках.

— Убью подлеца, — прошептала Вера так тихо, что услышала её только Алёна. — Убью... — и со стоном осела на землю.

Заметив, что что-то творится неладное, примчался физкультурник Фрол Еремеич. Он же и вызвал врача.

Спешно прибывший фельдшер затребовал скорую. Диагноз поставили уже в палате: сотрясение мозга, переломы и трещины нескольких рёбер, ушиб грудной клетки, вывих правой лодыжки.

...В больнице Веру навещали всем классом (не было, естественно, только Прошина). Прежняя неприязнь ребят к Вере, отторжение — как-то сами собой исчезли, улетучились, словно и не было ничего. Мнение класса переменялось разом, как, бывает, переворачиваются песочные часы. В одночасье Вера сделалась героиней, самоотверженной защитницей животных, а Юрку Прошина, не сговариваясь, признали негодяем и подлецом.

Кое-кто хотел надавать ему оплеух. Но дело решилось иначе. Злополучный бросок горсти камешков, едва не стоивший Вере жизни, руководство школы расценило как злостное хулиганство на грани уголовщины. Юрку с позором исключили из школы (из пионеров он уже выбыл по возрасту). Стахановцу-отцу вlepили на работе выговор по партийной линии. И Юрка, так и не заслужив аттестата, ушёл на завод помощником токаря.

Отныне, завидев на улице кого-нибудь из бывших одноклассников, Прошин угрюмо отворачивался и старался ускорить шаг.

Правда, Таня Аварская рассказала Алёне, что на второй день пребывания Веры в больнице застала Юрку у

входа в приёмное отделение. Он явно был не в себе, крыл Веру распоследними словами, точно извозчик, а затем, хлюпая носом, заладил, как заведённый: «Она никогда... никогда не простит!»

— Влюбился, дурак, — подытожила Таня. — А может, с самого начала таким был.

Кем был — дураком или влюблённым — Таня уточнять не стала.

Алёна не согласилась.

— Бойтся ответить перед законом, вот и занервничал. Он же Веру чуть не угробил.

Лёня, которому Алёна пересказала Танино мнение, лишь бросил коротко:

— Размазня. И хватит о нём.

А Вера вообще ничего не сказала. Просто молча отвернулась к стене.

* * *

Год сорок первый стал поворотным. Всё рухнуло быстро, жестоко. Первый удар грянул ещё до войны, в самом начале апреля.

Как-то раз после школы, не застав Веру в беседке, Алёна отправилась к ней домой. Но и там подруги не оказалось.

— Бегаёт где-то, — беспечно пожал плечами Тимур Альбертович.

— Может, у Лёни она, — предположила Исабель Эрнестовна, Верина мать. — Или в кино. Они на «Валерия Чкалова» собирались.

— В кино... — растерянно повторила Алёна.

— Неплохая картина по-своему, — заметил Тимур Альбертович. — Памятник эпохи. Лёня, я слышал, авиацией увлечён.

— Да-да, он такой, — пробормотала Алёна и, распрощавшись, отправилась бродить по улицам. Видеть друзей расхотелось.

Весна вступала в свои права. Под ногами струились талые ручейки. В самом воздухе будто висел неумолчный, едва различимый гул. «Земля поёт», – вспомнились Алёне давние слова Веры.

...Алёна бредёт куда глаза глядят, не задумываясь. В мыслях пусто, прозрачно. Ветер снаружи и ветер внутри.

Вот берег Дона, вот луг. За лугом темнеет роща. Здесь, на этом лугу, когда-то лежали они, глядя в небо. «Parasiempre», – вспоминает Алёна.

Навстречу бредут две фигурки. Вера – без шапки, в пальто и высоких штиблетах. И Лёня – в старой куртке, в картузе с приподнятым козырьком.

Алёна машет рукой, но друзья, увлечённые разговором, не видят её.

— Сюда! – хочет крикнуть Алёна, но возглас замирает у неё на губах, потому что в этот миг одна фигурка обнимает другую. Обнимает и...

Кровь стучит у Алёны в висках. Не помня себя, она бежит через луг – к ним навстречу.

— Вы! – кричит она. – Ты! Как не стыдно?

Друзья оборачиваются. Её заметили. У Веры в глазах изумление, гнев. Лицо Лёни заливают краска смущения.

— Что случилось, Алён? – спрашивает Вера. Интонация её, как у Анны Никитичны, когда та распекает нерадивого ученика. Алёна задыхается:

— Ты ещё спрашиваешь?!

— Но что такого?! – Вера, кажется, и в самом деле не понимает.

— Алён, погоди... – начинает Лёня, но слова его гаснут, падают мимо сознания.

Алёна сжимает кулаки. Ей больно, противно смотреть на Лёню. И она сверлит Веру пылающим взглядом.

— Как ты могла?!

Вера недоумённо хмурится, но тут же её взор светлеет:

— Чудачка, – говорит она тихо. – Пойми, тут нет ничего дурного. Не должен человек стыдиться своего сердца.

У Алёны щиплет в глазах.

— Но почему с ним? – отчаянно шепчет она. – Почему именно с ним?! Ведь мы же были друзья!

— Были? – удивлённо переспрашивает Вера. – Почему – были?

Алёна не в силах больше здесь находиться, видеть, слышать всё это. Повернувшись, она бежит прочь. Странно, луг тот же, что раньше, но нет больше чувства полёта, оно сменилось другим – ощущением падения в пропасть.

— погоди! – слышит оклик Алёна: два голоса слились в один. – Куда ты? Вернись!

Но она бежит, бежит, и ветер холодит её щёки...

Много лет спустя семейная легенда скажет иначе: чувства вспыхнули в сорок пятом, на самом излёте войны. Друзья детства – военный лётчик и юная студентка – полюбили друг друга после долгой разлуки. Их было двое, и они выбрали единую судьбу на двоих, чтобы никогда уже не расставаться. Никакой тени прошлого не стояло меж ними. Ведь двое – всегда были двое, и остались вдвоём до конца, пока смерть не разлучила их.

Это знают их дети. Это знает Денис. Пусть такой и останется эта история – пока не угаснет сама память о ней.

* * *

В тот же вечер – так уж совпало – Тимур Альбертович выступил с докладом в партийном горкоме.

Наутро Вера в школе не появилась. Лёня за своей партией сидел смурной, не подымал головы.

«Неужто совесть проснулась?» – думает едко Алёна. На душе у неё паршиво. Мысли крутятся все об одном.

Весь мир видится в чёрном цвете. Подобие утешения даёт лишь какая-то мрачная ирония, неведомая дотоле ей самой: в любой мелочи, в любом повседневном поступке приятно найти червоточину, приписать низменные мотивы.

Матвей Матвеевич дважды запнулся посреди фразы – наверное, пьёт, алкоголик. Федька Граев спугал неравенство у доски – не иначе с подружкой вчера на киносеанс бегал, вместо того чтоб готовить домашнее задание. А ещё юный ленинец, комсомолец! Все, все они одинаковы!..

Ярость, обида душат Алёну. Стоит лишь на минуту отвлечься, как глаза сами собой отыскивают впереди Лёнину спину, и снова всё закипает внутри.

«А ведь как дружили! – думает горько Алёна. – И закончилось всё такой гадостью... Мерзко, мерзко!»

После уроков она хватается портфель и спешит скорее домой. Не хочется ни с кем говорить, даже взглядом встречаться... даже совсем с посторонними. Нина Сомова окликает её, но Алёна лишь машет рукой: занята.

Это ложь. Все занятия – мысли. Заколдованный круг! Что же сделать, чтоб больше не думать?

Алёна топаёт по дорожке. Красивыми новыми туфлями нарочно ступает в лужу. Пинает прогнивший поребрик дощатого тротуара. Так им всем!

И вдруг во дворе... Что же за невезенье?! Навстречу движется Вера!

Возмущение накатывает жаркой волной.

— Прогульщица! – выкрикивает Алёна первое, что приходит на ум. – Предательница! Что же вы не вдвоём?

Но Вера какая-то странная. Идёт торопливо, а взор устремлён в никуда; голова приопущена. И слов Алёны как будто не слышит.

Алёна замирает, останавливается. И Вера проходит мимо, едва не задев её локтем.

«Гордячка!» – вскипает было Алёна, но тут до неё доносится голос: негромко, бессильно, без тени укора Вера роняет на ходу:

— Погоди, Алён. Не сейчас...

И спешит уже дальше, вперёд, не сбавляя шаг.

«Да что с ней такое?!» – недоумевает Алёна.

Детвора во дворе играет в песочнице. Тихо покачиваются старые качели. Всё как будто по-прежнему. И всё же, и всё же...

...Постепенно, по слухам, от Тани Аварской, от других девчат и ребят, Алёна узнала, что произошло накануне. За родителями Веры приехала в глухой ночной час чёрная «эмка». Возможно, что-то лишнее сказал Тимур Альбертович в своём последнем докладе. А может, нашлись другие причины...

Веру покамест не тронули. Она до утра прождала в опустевшей квартире. Заглянули испуганные соседи. Вера просто сидела на краешке раскуроченной постели, уставившись в стену немигающим взором.

Едва рассвело, собралась и ушла. Потом её видели у горкома, затем во дворе милицейского отделения. Днём ненадолго вернулась домой. Просмотрела оставшиеся бумаги в отцовском столе, написала какие-то письма и снова ушла. Тогда-то с ней и столкнулась Алёна.

Больше Веру не видели.

Слухи в школе обсуждали вполголоса, стараясь, чтобы не заметили учителя. Впрочем, новостей не было, и разговоры скоро иссякли.

Только Лёня с Алёной на долгих вечерних прогулках строили догадки, делились мыслями о том, где искать Веру... Размолвка, ещё вчера казавшаяся непоправимой, сама собой канула в Лету. О прошлом не говорили. Важнее стало другое: узнать, найти и помочь.

Но выяснения проку не дали. А кончилось всё так же внезапно, как началось.

Дней через десять после исчезновения Вера вдруг просто пришла на урок.

При виде её Алёна чуть не подпрыгнула за своей партой. Лёня вскочил, опрокинув чернильницу. Класс шелохнулся, но тут же примолк. Вера, опустив голову, проследовала на своё прежнее место и села рядом с Алёной.

— Ты... как? — только и смогла прошептать Алёна.

Вера посмотрела на неё, и Алёна поняла, что никогда раньше не видела по-настоящему счастливых людей. Потому что счастье озаряет человека изнутри каким-то странным, совершенно особенным светом.

— *Todobien*¹, — прошептала Вера. Глаза её сияли. — *Todobien*.

О большем Алёна расспрашивать не решилась.

Начался урок. Анна Никитична как-то нервно рассказывала о развитии пролетарских мотивов в творчестве Шолохова. Класс слушал невнимательно, а сама Анна Никитична поглядывала на Веру не то с неодобрением, не то даже с опаской. О причинах затяжного отсутствия не спросила.

Алёна тоже украдкой смотрела на Веру. Та изменилась. Лицо побледнело, осунулось и словно бы сделалось совсем юным. Теперь Вера казалась такой же, какой была при первой их встрече, два с половиной года назад. Только цепочки на шее у неё больше не было.

Впрочем, значок-звёздочка оказался при ней. На перемене Вера достала его из портфеля, положила на ладонь и долго рассматривала. Сказала:

— Нацеплю на шнурок.

...Родители Веры вернулись домой, живые и невредимые. Это было невероятно: исчезнувшие обычно не возвращались. И однако, Алёна увидела их в тот же день, когда проводила Веру до дома. Исабель Эрнестовна, повязав фартук, деловито подметала пол. Вид её был

¹ Всё в порядке (*исп.*)

совершенно невозмутим. Тимур Альбертович безмятежно укладывал разбросанные бумаги в ящик стола.

— Вам помочь? — вызвалась робко Алёна.

— Нет-нет, что ты? — улыбнулась Исабель Эрнестовна. — Сами управимся, спасибо тебе. Мы привычные.

— Кочевая жизнь, — покивал и Тимур Альбертович.

Вера сделала знак Алёне, и обе девушки вышли в прихожую. Там пахло пылью. Неярко светила лампочка. Вокруг неё вились желтоватые мошки.

— Мне надо поговорить с Лёней, — сказала Вера, нахмурившись. Недавняя радость изгладилась с её лица. Теперь оно отражало лишь сосредоточенность и решимость.

Алёна вспыхнула. Чувства разом захлестнули её, ножом полоснули по сердцу. Неужели опять?! Да ведь разве могло быть иначе?..

— Нет, — резко бросила Вера, и в голосе её Алёне почудилась властная нотка. — Здесь не то, что ты думаешь.

Стеснение прочь! Алёна осмелилась спросить напрямую:

— Где ты была?

— Далёко.

— Скажешь?

— Нет.

— Ну а Лёне? Об этом ты хочешь с ним говорить?

— Да. И нет. Не совсем. Просто верь мне. Мы подруги ведь, правда? — Вера смотрит открыто, но в глазах её грусть.

Пересилив себя, Алёна кивает.

* * *

Вера бросила Лёню. Или как назвать по-другому? Алёна не знает. Просто всё у них кончено — у Веры и Лёни. И никто в этом не виноват. Потому что на всё есть причина.

Лёня поникший ходил несколько дней, держался от Веры подальше. А затем поддался поветрию: половина мальчишек их класса, не дожидаясь двух месяцев до выпускного, рванули записываться в авиацию: Гражданский Воздушный Флот объявил приём будущих лётчиков. Старые друзья – Вася Хомяков, Мыня Лиховидов – зазвали с собой и Лёню.

Юная советская авиация была в те годы пределом мечтаний пионеров и комсомольцев. Трудно было найти того школьника, который не мечтал бы подняться в небо. Много позже, когда Алёна была уже взрослой женщиной, наступила эпоха Гагарина, и ореол авиации перешёл к космонавтике. Но в конце тридцатых – начале сороковых у авиации соперников не было.

После войны возросла роль образования, и стала странной уже казаться бывлая романтика юности, подстегнувшая десятиклассников, не окончив учёбу, броситься в лётное училище. Но в предвоенные годы в этом не было ничего удивительного.

Впрочем, из всего класса в пилоты приняли только двоих: Лёню и Лиховидова Мыню. Остальные по разным причинам отсеялись: кто не прошёл по здоровью, кого-то не пропустила действовавшая в те годы мандатная комиссия. Большинство претендентов подвёл слабый вестибулярный аппарат: мало кто оказался способен выдержать экзамен на вертящемся стуле – после нескольких минут верчения мальчишек начинало мутить, сильно кружилась голова, а с такими данными в авиацию путь закрыт.

У Лёни с вестибулярным аппаратом всё было отлично, и через несколько месяцев, когда гражданских лётчиков перевели в истребители и поручили осваивать фигуры высшего пилотажа, Лёня шёл в числе первых.

Неполученный же своевременно аттестат он заработал уже после войны, записавшись в вечернюю

школу рабочей молодёжи. А затем поступил в Академию имени Жуковского, которую окончил с отличием.

Но всё это было позже. А в те апрельские дни Лёня простился со школой и уехал в Азов. Неразлучная тройца распалась навсегда.

Вера тоже грустила: разрыв дался ей нелегко.

— Но иначе я не могла. Понимаешь? – бросила она как-то Алёне – невпопад, с вызовом, без предисловий.

— Почему? – удивилась Алёна. Теперь, когда Лёни не было рядом, её терзали противоречивые чувства. К лучшему или к худшему – то, как всё вышло? Не слишком ли это жестоко? На Лёню в последние дни было больно смотреть. Вере тоже, как видно, несладко. И не она ли, Алёна, стала разлучницей?

— Просто время такое, – помолчав, ответила Вера. – Поженились бы мы; что потом? Я в те дни поняла: нет, нельзя! Не должен никто свою жизнь со мной связывать.

— Почему? – снова спросила Алёна.

— Потому. Я была за границей. Ты знаешь: в Испании, в Германии. Нынче это опасно. У родителей моих положение трудное. Всё буквально на волоске. Если завтра вдруг что – будет риск и для мужа. Я не вправе ломать человеку судьбу. Тем более тому, кого люблю.

Так и сказала: «люблю». Не стыдись ни секунды.

И, подумав с минуту, горько добавила:

— Мне вообще теперь лучше подальше держаться... Ото всех, от тебя в том числе. Отойти. Не видаться больше.

— Как ты можешь! – задохнулась Алёна. – Ведь мы же... Разве мы не подруги? Разве..?

Краска ударила Вере в лицо.

— Прости, – сказала она. – Я была неправа. Конечно, конечно, подруги. И всегда ими будем. Всегда.

Это был первый и последний раз, когда Вера просила у Алёны прощения.

В середине июня Тимур Альбертович отправился в последнюю свою командировку. В Германию. Поехал один: Исабель Эрнестовна с Верой остались дома.

Командировка продлилась недолго. Двадцать первого днём Тимур Альбертович вернулся – прилетел самолётом через Москву. Вид у него был совершенно опустошённый.

— Всё, – сказал он. – Всё напрасно. Ничему они там не верят, ничего не слышат. Знать не знают и знать не хотят.

— Ты *все* адреса испробовал? – спросила Исабель Эрнестовна.

— И не единожды, – покачал головой Тимур Альбертович. – Да что толку? Значение имеет лишь один адрес. Один адресат. Остальное всё мишура.

— Что же теперь? – спросила Вера, подняв взор на отца.

На мгновение стало тихо – слишком тихо, будто замер весь мир. За окном угас ветер, смолкли ребячьи голоса во дворе, оборвалась на высокой ноте далёкая птичья трель.

Это длилось лишь долю секунды. Следом, столь же внезапно, звуки вернулись. Тимур Альбертович обвёл взглядом жену и дочь.

— Теперь, – сказал он твёрдо, – мы сделаем то, что должно. Пойдём в открытую.

— Но у нас не так много знакомых, друзей, – возразила Исабель Эрнестовна. – Если вдруг... Тогда всё насмарку. Может быть, лучше радио?

Тимур Альбертович прошёлся по комнате, размышляя.

— Да, пожалуй, – сказал он наконец. – Пара дней ещё есть. Я попробую... Ну а ты, Вера, марш, беги в школу. Нынче вечером твой выпускной. Будь там самой красивой!

И был вечер, и был выпускной. И Вера танцевала, кружилась в вальсе. Смотрела на ребят и девчат. На тех, кому предстояло пройти всю войну, и на тех, кому срок был отмерен недолгий...

И Вера говорила, и все смеялись, отвечали: забавная шутка! И сама Вера смеялась – смеялась до слёз.

Алёна смеялась тоже.

...Через годы, вспоминая тот вечер, Алёна уверилась в мысли: что-то Вере было известно, что-то она пыталась сказать; возможно, Тимур Альбертович в последней своей поездке в Германию что-то увидел, узнал, догадался... и Вера хотела предупредить друзей, одноклассников, всех, кто был рядом. Но громко играла музыка, и лился весёлый смех, и юность, вступающая в новую, взрослую жизнь, не сумела услышать, понять...

Ошибся Тимур Альбертович, но не так, как мечтал ошибиться: и двух дней уже не было впереди. Тот вечер стал самым последним.

Наутро заговорил репродуктор. И голос наркома возвестил всей стране: война началась.

На школьном дворе собрался стихийный митинг. Директор Андрей Евсеевич выступил с речью. Говорил о вероломстве фашистов, о силе рабочего класса. Напомнил о подвиге партии большевиков, открывшей народам мира дорогу к свободе и счастью. Сказал, что доподлинно знает: нельзя повернуть историю вспять.

Ребята, притихшие разом, и взрослые с суровыми лицами подходили неслышно, разрасталось собрание, превращаясь в народный сход.

Затем выступал председатель райкома: степенно, уверенно, без суеты. Дали слово двум комсомольцам. Они говорили кратко, звонко – о подлой немецкой военщине, бросившей вызов непобедимой Красной Армии. О доблестных советских бойцах, которые опрокинут любого врага. Об открывшейся записи в добровольцы.

Запала в память Алёне речь командира рабочей бригады с завода подшипников, товарища Фомина.

Фомин, с залихватски торчащими кверху усами, энергично тряс кулаком и зычным басом пророчил гибель оголтелым фашистским захватчикам. Закончил торжественно:

— Поклянёмся же все здесь собравшиеся – Красным знаменем, именем Ленина – поклянёмся до последнего вздоха защищать родной край, нашу великую Советскую родину! Вместе дадим отпор палачам! Вместе отбросим их прочь! И как коренной ростовчанин скажу: никогда не ступит вражий сапог на родную Ростовскую землю, никогда не угаснет в наших сердцах пламя Великого Октября!

Так хороши были эти слова, так грозно, уверенно говорил товарищ Фомин, что лица людей посветлели.

...Наутро в опустевшей беседке за школой Вера простилась с Алёной. Вера была в гимнастёрке, юбке защитного цвета и чёрных ношеных сапогах. Через плечо висел вещмешок: Вера уходила на фронт. Хотя по годам она не дотягивала, в добровольцы её приняли без возражений: помогло знание языков. Веру, бойко шпарившую по-немецки, зачислили в будущую диверсионную группу. Предстояло пройти обучение где-то под Минском: тогда никто ещё не знал, что через пять дней Минск падёт под натиском вражеских полчищ.

Алёна смотрела на подругу с тревогой и грустью, а в глубине души по-доброму ей завидовала. Самой Алёне на приёмном пункте отказали: мол, подрасти пока. Райком комсомола дал ей направление на телефонную станцию: там требовались телефонистки.

Прощание было коротким.

— Вспоминай меня, – сказала Вера.

Алёна кивнула. Обнялись. Вера уже повернулась уйти, но внезапно замешкалась. И, решившись, добавила:

— Если будут письма от Лёни — дай мне знать.
Хорошо? Просто: жив или нет. Больше ничего.

— Обещаю, — сказала Алёна.

Марианна Плотникова родилась 29 января 1984 года в Уфе. Окончила СПбГУ ИТМО, по специальности дизайнер. Поэт, член Союза писателей РБ. Автор книг стихов «Насекомия», «Умеренно влажно», «Уходя, не шуми». Публиковалась в журналах «Новая юность», «Урал», «Волга», «Бельские просторы», «Новая реальность», «Плавучий мост», «Молодежная волна», «Литсреда», «Контрабанда», «После 12» и др., лауреат премии «Поэтический дебют» журнала «Новая юность» (Москва, 2012).

Марианна Плотникова
г. Уфа

город в дымке как ванна в пене
отключили горячую воду
счет пришел начислили пени
и еще начислят походу

а потом переходит дымка
в белый пар растворяющий крыши
это верно небес владыка
наклоняясь над городом дышит

а потом наступает лето
ненадолго конечно а на день
и горят от счастья котлеты
у соседки с именем надя

открывает надежда окна
остается надежда нагая
и в слепое владыки око
будто в теплую ванну шагает

еще не умерли но встретились на том
на красном свете
чуя перекресток
качнулся крест распахнутый Христом
и ленточка «Георгия»
нахлестом

таксист ладонью выдавил гудок
ушел направо по диагонали
и свет погас и снова свет зажег
трехглазый бог

друг друга не узнали

человек бумажный как пароход
по воде идет
в его карманах бабочки пустые
ладони распустились журавлями

вода ведет в пустынный переход
где голоса под сводами застыли
но позже поглощаются щелями

и вот уже у самого метро
он вспоминает теплое ядро
и вот теперь ему невыносимо
как помнить о рождении и как
его из теплой бездны выносили
и оставляли плакать на руках

они ушли а он что идиот
звезда горит над ним без всяких терний
бумажный человек идет идет

идет идет идет
бумага терпит

маменька нас атакуют боты
проповедники и глисты
люди идут с работы
сбрасывают хвосты

в соседней высотке с балкона
вытряхивают ковер
я завернулся в него как в кокон
будто я бабочка а не вор

одно отрастил крыло вместо
второго плавник
мам я лечу
как учила еще до детства
головой вниз

прими меня
будь нежная как сатин
будто не много нас
только я один

чем я останусь
титром из новостей
рефлексами на воде
словом о том
как я ловил бабочек в темноте
неуклюжим ртом

окунь
хватает ртом воздух безрезультатно
видимо воздух выходит сквозь дырочку от крючка
рыбья смерть глупа и хвостата
вместо косы ржавый остов сачка
левым глазом окунь глядит — под ним холодная глыба
правым глазом глядит — над ним неземная твердь
смерть разевает рот но молчит как рыба
как и любая смерть

вот пол и спелый пенопласт
хрустящий как усталость глаз
в углу на вымытом балконе
где проводов витые корни
обоев кольца годовые
обняли чьи-то кладовые
и сердцевину берегут

тук-тук тук-тук тук-тук тук-тук
там время капает а тут
еще затягивает жгут
пугает медленной иглой
случайный луч квартал жилой
он пробирается туда
где пенопласт и провода
живой свидетель мертвый груз
по памяти в которой тесно
внутри нащупывает хруст
случайно сломанного детства

Берестова Мария Сергеевна, родилась и проживает в г. Мыски Кемеровской обл. Публиковалась: литературные журналы: «Союз писателей» № 3- 2017 г., «ЛитОгранка» № 1 – 2013г, в альманахе «Кольчугинская осень». Лауреат первой степени VII Всероссийского фестиваля поэзии им. Алексея Бельмасова, лауреат Всероссийского фестиваля «Мцыри». Победитель Межрегионального конкурса «Стилисты добра» 2018 и 2019гг. (Челябинск).

Мария Берестова **г. Мыски**

Прости мне этот первобытный страх -
бегу туда, где сухо и тепло.
О, детство - бьется бабочка в руках,
я молча отрываю ей крыло,

и что-то есть звериное во мне
в соседстве с беззащитной чистотой.
Я принимаю это, ведь вполне
осознаю, что остаюсь такой

и до сих пор. Опять средь бела дня
внутри меня не хочет спать ребенок,
смеется смерти бабочки - и я
бегу домой, где вечер тих и долгод.

Касаться пальцами - не губ твоих, цветов,
перебирать их стебли, размышляя,
как шелест трав похож на звук шагов,
который постепенно утихает,

а ночью продолжается внутри,
врастая в грудь какой-то странной болью.

Упав в траву, я трогаю цветы,
которые шагов твоих не помнят.

Возвращаюсь в твои голубые глаза,
это все не о том - небеса, бирюза:
в них тогда было много воды.

Как приходишь к ребенку-себе и молчишь,
и не видишь знакомых домов или крыш,
лишь лежит пара щепок худых

от седой голубятни на старом дворе -
так и здесь ничего не осталось во мне,
только привкус беды.

День, слишком громкий, наконец затих.
Слова лежат, ночь ворошит их залежь -
слов много, ты надеешься на них,
пока не зачерпнешь, не исчерпаешь,
не вычерпаешь все от сих до сих,
и знаешь, что сказать, а как - не знаешь.
Иди ко мне, приходи ко мне, мой стих.

Тень от ветвей царапает окно,
как будто даже звук какой-то слышен,
и зрелость ждет во мне уже давно -

всю жизнь растет внутри. Вздыхает. Дышит.
В ушедшем дне не разглядеть того,
о чем она пока ещё не пишет.

Окно мое, ты видело меня
уже во всех, пожалуй, проявлениях,
но все еще глядишь день ото дня,
впуская свет и стеклами звеня,
как я, влюбляясь, становлюсь слабее,

как плачу о земном, о неземном,
как плачу, что устала столько плакать,
как я пишу ночами за столом
и прячу письма, чтоб отдать потом,
а может, не отдав, продолжить прятать.

И ты глядишь, как я к тебе иду,
глядишь в меня, как озеро в Нарцисса,
и ловишь взгляд, чтоб только убедиться,
что отразит тебя, а не беду.

Но скоро ночь. Я вижу сквозь стекло
листву деревьев, летний вечер. Странно
болит в груди. Письмо молчит о главном.
И знаешь только ты, мое окно.

Днем снова выпал снег. И белизна
слепит глаза - не знаешь, где укрыться,
чем дальше ищешь, тем сильнее мнится -
сквозь толщу снега смотрят имена

забытых мной. Не прикрывая век,
я падаю коротким тихим взглядом
в ответ смотрящим странным белым пятнам
и обвиняю в этом только снег -

он снимет мое имя, как пальто,
откинет ветром весело и рьяно,

оставив среди мира безымянной
меня, которой станет все равно.

Над крышей соседнего дома летают стрижи.
Мой старый балкон и кирпичные белые стены
молчат о тебе, разделяя мою *nostalgie*,
и новое чувство приходит печали на смену.

Ты есть - стоит только подумать, и сердце щемит,
но как мне сказать тебе это, словами какими?
Такой равнодушный, мой город привычно шумит,
пока на кирпичной стене я пишу твое имя.

Снег поутру как мрамор бел, а ты все думаешь о смерти -
что ж, умирай, не медли миг и отболи, как лист последний,
но умирая посмотри на красоту холодных статуй,
эмоций в мраморном лице - создатель, в жизни виноватый,

любую линию на них переживал своим же телом,
живое мертвое дитя достав из каменного плена,
и ты среди прохлады лиц сверкни мгновенно и нерезко,
не криком - шелестом травы, почти не слышным водным
всплеском,

останься тихим, отлетев в моем последнем "не покину",
и очень больно упади слезой на мраморную спину.

Ли́лия Вахитова родилась в 1980 году. Закончила ННГУ им. Лобачевского, филологический факультет специализация – зарубежная литература, а также МИОО ин.яз. Живет в Москве. Стихи пишет с 2014 года.

Ли́лия Вахитова
г. Москва

Бродскому

Нет брода к Богу и богам,
А через тыщу лет нас спросят:
"Помилуйте, какой Иосиф
Был брошен в яму, яму бросив,
Египет бросит нам к ногам"?
А если был он брат Шагалу,
Шагал по небу, и шагали,
Ползли за ним в свой долгий плен
Сыны двенадцати колен.
О том молчит в холстах Малевич,
Не фараон, не королевич,
Но коронованный в земле.
И вброд идём по всей Россее,
Рифмуя посох Моисея
Со словом, сказанным в бреду.
Ни Хармс, ни Белый, ни Асеев
Талантов в долг нам не дадут.
Кто взял и так, тот в долг не просит,
Не осуждай нас, брат Иосиф,
За бессловесную руду.

Камень в лесу

Обратно на Землю, а не на Суд –
мечтай, счастливый буддист,
но можно родиться камнем в лесу,
мертвей, чем опавший лист;
а если ты камень, лежи и молчи,
здесь лес говорит за тебя,
и только точат лесные ключи,
и только дожди щербят;
и мир над тобой – охота и боль
от голода или от ран:
спасёт ли от пули, когтей и зубов
берлога или нора?
Ты камень, и лапы тебя не несут,
без них не сбежать в нору,
ты каменным сердцем лежишь в лесу,
в лесу, где друг друга жрут;
но Тот, Кто на Землю билет выдаёт,
обтачивает до конца
водой, одиночеством и огнём
безгрешного и подлеца;
как тесно душе у тебя внутри,
тысячелетний старик,
ты камень, камень: молчи и смотри,
как лес над тобой горит.

Бездны неба не было бездонней,
Духа ветра не было бездомней,

Свет летел по небу, тих и вечен,
То ли утро было, то ли вечер.

Небо свет не видело ни разу –
Золотое солнце стало глазом.

Задрожало, приоткрылось веко —
Уронило небо человека...

Девочка-солнце,
И не нужно тебе ничего,
Ни от неба, ни от песочницы, ни от земли,
Разменянной на рубли.
Играй-беги
И рисуй на белом песке круги,
А не можешь чего-то — и не моги.

Девочка-море,
Расстояние в смерть:
И зачем его мерить — оно не школьная четверть,
И не безводная треть.
И зачем заглядывать и заглядывать за,
Прямо в её глаза
Лучше и не смотреть.

А в глазах — бездонная бирюза,
Которая — омут, которая — брошь,
Та, которую из бабушкиной шкатулки тайно
берёшь,
Тихая музыка в камне цвета весны,
Девочка-небо,
Это только сны.

Девочка-день,
Дочка,
Точка
В конце строки,
Маленькая отметина на запястье левой руки,
А ставки так высоки,
Играй-беги.

Девочка-память,
Девочки злы, и не в счёт,
Кто из них ангел, а кто – настоящий чёрт.
Ленточки-ленточки
Тянутся, мечутся и летят...
Девочка-память заплакала. Тише, дитя.

Стариться, медленно стынуть и застывать,
Люлька тоже когда-нибудь вырастает в кровать,
Хвать! –
Девочка-берег, девочка-мать,
И не поймать.
Строить так трудно, и трудно, поверь мне,
сломать.

Легче застыть и стоять, как соляные столбы.
Легче остаться у берега, за пазухой у судьбы.
А что ещё легче – забыть:
Мы – это боги, малые боги, боги-рабы,
Девочка-жизнь,
С радостью бы играть,
А приходится – быть.

Поэтам

Тот или этот,
та или эта,
перворожденные,
первые маги,
скольким ослепнуть
от белого цвета
белой, как соль и
как саван, бумаги,
сколько укрыла
чернильных проклятий

белая пена
бумажного моря,
букв не хватает,
вопросов ли хватит:
счастье ли счастье?
горе ли горе?
первозаветны,
первозакатны,
вам не бумагу –
глину скрижалей,
вам ли известно,
вам ли понятно:
слово не Бог,
а змеиное жало;
тот или этот,
та или эта,
помнит ли пуля,
как помнила шпага,
скольким погибнуть
от белого цвета
белой, как соль и
как саван, бумаги.

Солярис

Возвращайся, Кельвин, пора домой,
Бесконечен космос – Земля мала,
Возвращайся в памяти к ней самой –
Бесконечно долго тебя ждала.
От Контакта кружится голова.
В том, что больно, космос
Не виноват.
Постоянный страх, постоянный зов –
Оторвать себя от Земли, а там
Океаны шире, чем горизонт,
Океаны глубже, чем темнота.

И о Ком-то грезить, Кого-то ждать,
Кто похож на воду,
Но не вода,
Кто страшной безумия, Кто один,
Кто в расчёты знания не берёт.
«Уходи, мгновение, уходи!» -
Вот он, доктор Фауст наоборот.
Но бессмертие не бессмертно, Крис,
Не борись с бессмертием,
Не борись.
Чёрный пудель – в прошлом, а кто твой Гость?
О загадки космоса бейся лбом,
Бесконечно вздрагивай от шагов,
Проаннигилируй саму любовь –
В антипамять крепче запри её.
«Доктор Кельвин,
Скоро Земля.
Приём!»

Вода уходит, и забыт
потоп -
стихов любимых и любых
поток,
и слов озера, и слогов
ручьи, -
понятный всем язык богов.
Но чьих?

Олег Корниенко
г. Сызрань

Олег Корниенко. Публиковался: «Аврора», «Детская «Роман-газета», «Истоки», «Наш современник», «Московский вестник», «Российский писатель», «Советский воин», «Смена», «Север»(Карелия), «Луч» (Ижевск), «Мономах», «Симбирскъ» (оба-Ульяновск), «Русское эхо» (Самара), «Сура» (Пенза) и др.

Член Союза писателей России. Автор шести книг прозы для детей и взрослых. Проживает в г. Сызрани Самарской области.

Шаги за дверью

Ирине Токмаковой

Стёпка жил в небольшом посёлке и давно мечтал сходить в зоопарк или цирк. Зоопарк был в другом городе. Там жил дядя Коля, брат отца, ехать к которому на электричке часа три. Стёпку одного не отпускали - мог заблудиться в большом городе. Всё решил телефонный разговор с дядей. Договорились, что здесь Стёпку посадят на электричку, а там дядя встретит его.

Но дяди на станции не оказалось. Стёпка подождал некоторое время, и когда большая стрелка на вокзальных часах перескочила на другую цифру, подошёл к полицейскому:

- Вы не знаете, где улица Совнаркома, дом 8?

- Совнаркома? Это идёшь прямо и упираешься в кинотеатр. А первый дом слева - твой.

Стёпка шел по улице и рассматривал витрины магазинов. В одной из них он увидел чучела и клетки.

- ZOOмагазин, - прочитал Стёпка и без колебания открыл дверь.

Чего здесь только не было! Прозрачная стена из аквариумов с разными рыбками, хомячки, декоративные кролики, много скрипучих попугайчиков, о которых давно мечтал Стёпка. Одним словом, всё что угодно, кроме слона. Слон ждал Стёпку в зоопарке, а потому Стёпка поспешил на выход.

Он быстро отыскал дом дяди и его шестую квартиру. На звонок никто не вышел. Стёпка позвонил ещё раз, и ещё...

И вдруг Стёпке послышались шаги. За дверью дяди Колиной квартиры кто-то ходил. Стёпка перестал дышать и прислушался: шаги то удалялись, то снова осторожно приближались.

Он нажал на кнопку звонка.

- Дядя Коля, откройте! Это я, Стёпка!

Нет, ему не почудилось, по коридору кто-то ходил: быстро-быстро туда-сюда. Стёпка опять требовательно позвонил. Но никто не откликнулся, и дверь не открыл.

Он сел на ступеньки, прижал к себе рюкзак и прислонился к стенке...

Его разбудил дядя Коля.

- Ты давно сидишь? Я уже все электрички встретил - нет тебя. Хотел уже звонить родителям - узнавать: в чём дело.

- У вас кто - то за дверью ходит, - сказал Стёпка.

- А это мы сейчас посмотрим, - улыбнулся дядя Коля, открывая дверь.

Навстречу им из кухни выбежала газета.

Когда дядя включил свет, газета развернулась на месте и покосолапила в тёмную комнату.

- Это ёжик. Постель на ночь готовит, - пояснил дядя.

- Ёжик? - удивился Стёпка.

- Ну да, ёжик. Недавно у подъезда в кустах подобрал, Лапу, видно, поранил. Подлечу его маленько, а потом в зоомагазин сдам, а, может, на чучело кому продам. Какие ни есть, а деньги.

Ночью Стёпка несколько раз просыпался и слышал как шуршит газетами ёжик.

Когда утром он проснулся, в комнате никого уже не было. На столе лежала записка: «Завтрак на плите. В зоопарк пойдем завтра». Рядом лежал ключ, скорее всего, от квартиры.

И тут он вспомнил про ёжика. Ёжика нигде не было. Неужели уже отнёс? - испугался Стёпка.

Он прошел в другую комнату и заглянул под шкаф. Там шевелились обрывки старых газет. Это сонно дышал ёжик. Рядом стояло пустое блюдо.

Стёпка быстро выложил из рюкзака привезенные дяде гостинцы. Одно яблоко он оставил на обратную дорогу. Достал носовой платок и положил в него сонного ёжика.

«Мы с ёжиком паехали дамой. Стёпка», - написал он на обратной стороне записки.

Дорога к станции шла направо. Стёпка повернул налево, в городской парк.

Он прошёл вглубь парка, вырыл под кустиком ямку, выстелил её травой и осторожно положил в неё спящего ёжика.

В животе заурчало от голода. Он вспомнил про яблоко. Наливное, душистое, оно еле помещалось в Стёпкиной ладони.

- Я только немножко... - сам себе сказал Стёпка и, положив надкушенное яблоко рядом с ёжиком, зашагал в сторону железнодорожной станции.

Петля Нестерова

(рассказ)

*Герою России, лётчику-космонавту
Михаилу Корниенко*

Валерик с детства мечтал стать космонавтом. Тимка тоже мечтал стать космонавтом, потому что стать космонавтом мечтал Валерик. Друзья регулярно делали зарядку и закалялись – готовились к *своему* полёту. А к нему надо быть всегда готовыми.

- В школу лучше ходить пешком, а не на троллейбусе ездить, - заметил как-то Валерик. - Это тоже тренировка.

- Ходи, кто тебе не дает, - заметил Тимка. – У меня другая система.

Какая – Тимка не говорил, а вот Валерик по своей системе часто в школу опаздывал.

А однажды на уроке физкультуры у Валерика закружилась голова. Школьная медсестра дала ему понюхать нашатырного спирта и попросила Тимку проводить Валерика домой.

- С таким вестибулярным аппаратом в космос не пустят, - заметил папа Валерика.

- А что же делать? – спросил Тимка.

- Тренировать надо: рейнское колесо или лопинг - вращающиеся качели.

Ребята от незнакомых слов притихли.

- В детском парке есть аттракцион «Петля Нестерова». Это то, что вам надо! – подсказал папа.

- Так и называется – «петля»?- удивился Валерик.

- Так и называется: «Петля Нестерова» по фамилии лётчика Петра Николаевича Нестерова, который впервые выполнил в небе эту фигуру. Вы аттракцион видели - в мультфильме «Ну, погоди!»

-Ура!- обрадовались ребята.

В выходной день Валерик с Тимкой поехали в детский парк. По дороге Валерик представлял, как они сядут в кабину самолёта, пристегнутся ремнями, и начнут накручивать круги один за другим.

Но возле аттракциона их ждала очередь. Не большая, а всё-таки очередь.

Ребята забеспокоились: срывалась их первая тренировка на новом тренажёре. А тут ещё женщина – контролер со своим вопросом:

- Ребята, а вам не рано на этом аттракционе кататься?

- Да вы что, - возмутился Тимка. – Мы уже год как ходим в Школу юных космонавтов.

- Ну-ну, - покачала головой женщина - контролер, и покрепче пристегнула ребят.

-Г отовы? Поехали!

Зажужжал винт на носу самолёта и он, вместо того, чтобы сорваться с места, сонной мухой пополз вперёд. Когда деревья парка ушли под крыло, Валерик понял, что это катастрофа. Висеть головой вниз на глазах у всех было не очень-то весело. Он мысленно толкал самолет, а тот еле полз. Ещё немного, подумал Валерик, и ремни не выдержат.

- Ты как? - дрожащим голосом крикнул Валерик.

- Самочувствие отличное! – ответил Тимка, и от этого Валерику стало ещё страшнее.

Когда самолёт наконец выровнялся, Валерик понял, что на большее его не хватит. И хотел попросить женщину-контролёра остановить самолет. Он только открыл рот, как самолёт опять покарабкался вверх, и вскоре Валерик, точно мультяшный Волк, опять повис головой вниз. В ремни он не верил, а потому изо всех сил вцепился в сиденье.

Валерику не хотелось так рано погибать. А как же космос? А слава? Если с самолётом что-нибудь случится, то памятник Валерику поставят, скорее всего, возле кассовой будки аттракциона. Или назовут её его именем.

И Валерик закричал.

- А-а-а... Тётяшка, остановите!

Закричал, потому что было страшно. И потому, что он увидел в толпе папу, который кого-то искал.

- Папа, останови самолёт!

Но самолет Валерика не послушался и по инерции, жужжа винтом, опять пополз вверх. Папа метнулся к женщине - контролёру и принялся ей что-то объяснять. И вскоре винт на самолете замер, он медленно опустился и бледный Валерик вылез из кабины.

Домой они возвращались молча. Папа шёл впереди, то и дело оглядываясь на притихших друзей. Каждый из них думал о своём. Тимка представлял себя за штурвалом настоящего космолёта. А Валерик просто глядел себе под ноги, которые уверенно шагали по тротуару, и не мог понять: что случилось? Почему он кричал?

- Ничего, со всеми такое может случиться, - успокаивал нас папа. - Просто, всегда надо реально оценивать свои возможности. Но вы - молодцы, если не побоялись повторить подвиг самого Нестерова!

Дома папа показал нам с Тимкой фото Петра Нестерова. Мы долго разглядывали в энциклопедии стройного летчика в фуражке и с кортиком на боку, а также приземистый «Ньюпор-4», на котором летчик выполнил свою «мертвую петлю».

- А если бы Петр Николаевич жил сейчас, он стал бы космонавтом? – спросил Тимка.

- Я думаю, что стал, - ответил папа.

- А я тебе что говорил, - Тимка посмотрел на Валерика, и рядом с фамилией «Нестеров» написал карандашом - «касманавт».

Алёна Белавежская - поэт, член Союза литераторов России, гран-при Всероссийского фестиваля молодых поэтов "Мцыри" — 2017, победитель суперфинала Чемпионата поэзии им. Маяковского — 2017. Участник Форума молодых писателей России. Сборник стихотворений "Облака" — 2013. В 2017-19 гг. готовится к изданию книга "Dansemacabre". Студент Литературного института им. Горького. Организатор арт-проекта "WhatTime?!"

**Алёна Белавежская
г. Москва**

небо полно нерождённых событий,
всё - новоявленный снег.
выводок выходок: хочется выйти
в альфа из тёплых омег.

можетя - глупости, хочется - мудрости,
кутать её в безмяте
- снежность понять и невидимо вглубь расти,
благословляя метель.

время - зима. вези, матушка, в снег меня
с ветром, звенящим, свищущим!

верь мне.
за малым - большое, светлое
одекабряет ищущий.

и не помню, как я тогда добралась домой,
хоть убей, я не знаю, как я потом выжила,
выжатая, жевала луну, как лимон,
я бежала рекой и строчкой - с оттенком Рыжего.

я себя терпеть не могла. но бумага стерпит,
и чернильная ночь поглотит во мне человека.
я несла в зубах кислый, ржавый, скулящий серп,
и нести его было - есть - абсолютно некому.

не смотри на меня в оплывающих окон воск.
мы по-разному дышим: ты в спину, а я - на ладан.
то ли это синдром кометы, что вырос хвост,
то ли я становлюсь на лапы у ног Пилата.

ты не спрашивал, нет, ты сам по себе вопрос.
"чистый лист, говоришь? снимай. это тоже маска."
да, я помню - касание кисти. и видит Босх -
страшный суд - это твой шедевр. твоя краска.

да не важно уже, - дай бог или чёрт возьми,
вторчерметная ночь нежна, тяжела, бредова.
я лгала, что ложилась под окна твои костями, -
я ходила туда, чтоб из косточки выросло слово.

проржавевшая ночь - душный склад человеческого
лома.

помню: горький спиртовый свет заливали на
почерневшую, открытую рану окна,
и стекала строка под лежащие камни дома.

*Сколько бывали рядом, а ждали встречи.
Сколько, не зная леса, боялись волка.*

Время лишь набрало обороты речи,
Бестолку поседело, осев на полке.

Можно не ждать, пока прозвенит будильник.
Можно идти сейчас и рассвет встречать.
В небе - свобода воли или прядильня?
Я хочу твой ответ и твою печаль.

Ты - всемогущий царь, проигравший царство,
Или в побег не верящий фас фаталь?
Ты принимал удар, как лекарство, дар свой?
Или за каждый промах просил медаль?

Что в тебе есть от семени, от плаценты?
Кем ты сегодня стал? Кем хотел, играя?
Если ты понял круг, объясни: из центра
К периферии - вширь, или вглубь - от края?

Видишь ты жизнь короткой, искусство - вечным?
Так или эдак проходит земная слава?
Как у тебя пальпировать человечье?
Что тебе в этом имени - гордость, слабость?

Где тебе больно - в сердце? В уме ли? Между?
Просто мне важно, что в тебе можно трогать.
Что ты снимаешь прежде - броню? Одежду?
Веришь кому - себе ли? Науке? Богу?

Буду беречь границы и чтить уставы.
Знать наизусть закон, не читать с листа
Сердце твоё - столицу твоей державы.
Все заповедники, все святые места -

Я обещаю, что сохраню. Осилю
Счёт твоих звёздных родин, отметин, пятен.
Млечный, а там под Солнцем - Земля, Россия -

Ты - всё и каждое, ежели вместе взять их.
Чтобы узнать другого - сначала стать им.
Просто мне важно видеть сквозь тьму понятий
Проблески света - в илистом "или, или".
Как тебе нужно,
как
Ты
хочешь,
чтобы тебя любили.

дай полтинник уставшему деду.
он играет тебе неспроста.
я, конечно, когда-то приеду -
лишь дороги долей мне сполста.

я приеду достаточно быстро
в твой разрушенный русский Эдем.
доля, данная мне, - это выстрел
красно-белой стрелы РЖД.

При свете фонаря-подсвечника
Я пересчитываю косточки
У поездов на позвоночниках.
Пришли когда-нибудь мне весточку!
Пиши немного, неразборчиво,
Размашистым, неровным почерком, -
Письмо не с голубем, а с ласточкой,
Не ранним утром - поздним вечером.
Я буду с нежностью беречь его,
Письмо ребёнка, мирно спящего
В твоей груди. Живого. Вечного.

Нина Александрова родилась в 1989 году в городе Челябинске. Стихи и критика публиковались в российских и зарубежных толстых литературных журналах: «Урал», «Нева», «Новая Юность», «Слово/Word», «Плавучий мост», «HomoLegens», в проектах «Литература», «Полутона» и др. Лауреат нескольких литературных премий. Дважды стипендиатка Министерства Культуры РФ. Автор двух книг.

Нина Александрова **г. Москва**

не могу дышать это страх
смерти или большого чужого
прикосновения обладать
поглотить растворить

собирать себя каждый день
с утра привинчивать пальцы
защелкивать грудную клетку
открывать глаза делать вдох

тремор пространства множество отражений
так много меня и все смотрят насквозь
проходят насквозь не выдыхая

мои сестры кости и кровь коллективное тело
сильные и прекрасные мертвые и живые
боль одна и дыханье одно на всех

Звериный стиль

бьются звери в руках
щука в моих висках

справа бобер
слева горноста́й
имя твое оберег
спрячь его в кулаке
не учуют следов
мы пойдем по воде
шепчутся и кричат
ангелы у плеча
здесь бояться нельзя
не закрывай глаза

степные боги вышли нам навстречу
прядать ушами и звенеть рогами

дуть в страшные узорчатые флейты,
в обглоданные костяные флейты
изогнутые человечесьи пальцы

меня качают в сморщенных ладонях
ступают изумрудными ногами
и воют на тяжелую луну

дыши и падай в ледяное небо
в алмазное светлеющее небо
огромное зияющее небо

оно нас растворяет без остатка
и изумленно смотрит сверху вниз

земля пережевывает, проглатывает
все становится перегноем
известняком
белым горячем камнем
щербатой скалой

каждую секунду
ты сама
все больше становишься почвой
глиной
высыхаешь
рассыпаешься в пальцах
каждую секунду
все больше
становится тобой

Собирательница костей

в воздухе городском
легче дыханья нет
из золотых костей
птичий сложи скелет

и выдыхай в июнь
птичьего сердца стук
мох тополиный пух
завтра лететь на юг

стеклышко и песок
фантики и цветы
птица в твоих руках
значит назавтра ты

станешь сухой землей
косточкой в кулаке
воздухом и травой
станешь сама собой

Сортировка

идут нагруженные снегом
пустые мертвые вагоны

идут узбеки ледяные
сжимая ветер в кулаке
за пальцем исчезает палец
рука дрожит и стекленеет
звенят замерзшие деревья
и кости воют из земли

вот деформированный
разъятый мир
дерево пролетает над моей головой
черное небо оборачивается
волком лисой назад
смотрит в глаза
перестает быть собой
голоса свернулись
отпечатались на щеке
рубчики от подушки
линии на руках
ветер шевелит волосы воду траву
все равно себе
все равняется ничему

Именованье

фиксировать ежесекундно
простое мягкое небо
сыпный снег
хрупкая лесная трава
ледяная трава
просыпайся
время давать имена
травам корням животным
трогать
тёплые звуки
перекатывать на языке

карамелькой
обдирать нѣбо до крови
угадывать вкус
иначе
ничего не существует
все неправда

Ольга Аникина, поэт, прозаик, переводчик, эссеист. Родилась в Новосибирске в 1976 году, жила в Москве и Сергиевом Посаде, сейчас живёт в Санкт-Петербурге.

Закончила Литературный институт им. Горького. Член Союза Писателей Санкт-Петербурга. Стихи, проза и критические эссе опубликованы в периодике («Сибирские огни», «Новый Мир», «Знамя», «Октябрь», «Дружба Народов», «Новая Юность», «Волга», «Зинзивер», сетевой журнал «Литература»). Автор четырёх книг стихов и двух книг прозы.

Ольга Аникина г. Санкт-Петербург

У той черты, где речь приглушена,
в преддверье странствий одиноких, дальных –
пожалуй, только вздох и тишина
превыше горьких слов исповедальных.

Когда любовь, и мудрость, и закон
обратно переплавлены в молчание,
и сердце колокольным языком
гремит в тумане, как гремят ключами,

как нищий по крыльцу стучит клюкой,
и несказанность словно несвобода –
молчание растёт до небосвода,
и ты его касаешься рукой.

Звонок

Он сказал: бросайте всё и езжайте к нам.
Железнодорожная травма. Ребёнок, двенадцать лет.
Машинист заметил поздно, рванул стоп-кран.

Пострадала рука. Другого хирурга нет.
Не приедете – повезём из района в Москву.
Это время и кровь. И пробки. И мёртвый час.
Больше некому. Во-первых, по старшинству,
Во-вторых – артерии, нервы. Кто сделает лучше вас?

Кидаюсь к трубке; так сука Павлова ждёт по звонку еды.
Будь проклят билайн, нокиа и мой условный рефлекс.
Даже если сорваться – будет два с половиной часа езды
до нашей районки по объездной. Справа поле, а слева лес.
Это мой долгожданный отгул, мой нежный, последний
свет.

В гостинице на Белорусской,
он проездом, всего полдня,
он больше не врёт, у него давно уже куплен билет,
он больше не говорит, что якобы любит меня,

и что мне больница, работа, и прочие все дела,
когда я ждала – мне больше уже не придётся ждать,
над нами витают чужие разорванные тела,
и пахнет чужой любовью гостиничная кровать.
Но я не поеду, нет, никуда, вы слышите, никуда,
старая дура, держи своего последнего дурака.
Я вижу во сне рассечённые рельсы, обугленные провода.
И девочку лет двенадцати. И улыбка её легка.

Не повторю и не запомню,
что взять с меня ещё –
как бесконечный дождь запойный
по улицам течёт,

а в перерывах вой собачий,
и приглушённый смех,
о чём за дверью люди плачут,
укрытые от всех,

и, в тесном типовом жилище,
среди бетонных плит,
где никого никто не слышит,
никто не исцелит,

едва дрожат волокна света
в одном окне с торца,
как будто дѣргается веко
под бровью мертвеца.

И я ищу глазами снова,
раз в сотый проходя.
И я не помню остального,
ни слѣз, ни говора больного,
ни улиц, ни дождя.

Замуруй себя, да со всех сторон,
Чтоб они не слышали, как кричишь.
Чтобы с улицы – ни чужих похорон,
ни фанфар, ни выстрелов,
только тишь.

Там, где кровь была, чтоб стелился тромб.
Чтобы каждый угол был глух и слеп.
Чтоб не больно, слышишь, не больно чтоб!
Затвори, чтоб дом превратился в гроб,
в келью, в склеп.

Что в твоих устах? – только крик и страх,
так держи их, бешеных, взаперти.
Слышишь, ты, герой, голова в кустах!

Я не слышу.
Чаша моя пуста.
И пора за другой идти.

Весна в Петербурге

Говорят, что мы пережили
одну из самых холодных зим.

Ночь начиналась утром,
мы отогревали замёрзшие аккумуляторы,
ходили по льду Фонтанки,
наши глаза были залеплены снегом, а губы – ветром.

А сегодня птицы кричат,
и даже деревья на улице Беринга
разжимают сведённые судорогой пальцы.

Человек задремал
на прогретой солнцем скамейке.
Завтра снова похолодает,
но об этом даже подумать –
лень.

Верлибр

Он очень хрупкий,
но режет стекло
и в древесном огне не горит.

Как ни верти его,
как ни перекладывай из ладони в ладонь –
у него всегда отыщутся грани,
пусть даже асимметричные.

И неважно, как он получился:
кимберлитовый это верлибр,
свободнорождённый в земле,
или высеченный ударом
в столкновении небесных тел.

Но даже необработанный,
настоящий,
порой
содержит он рифму и ритм.

В настоящих верлибрах
всегда есть
небольшие изъяны.

Хотел рвануть через порог — душа на вынос...
А стал — не моцарт, не пророк. Так, просто, вырос.
Ни телекамер, ни газет. Не лез из кожи.
И твой сосед такой, как все, и ты такой же.

Не повезло, не повезло, не та эпоха.
Живёшь, мусолишь ремесло, (нет-нет, не плохо),
благословляешь божий дар, свой дом-теплицу.
И никаких вам траффальгар,
аустерлицев.

В кругах асфальтовых орбит — всё мимо, мимо.
А под горою куст горит,
неопалимо.
Зудят занозы мелких бед. Тропа всё уже.
А куст горит. Да он тебе
и не был нужен.

Внутри меня
живёт моё время —
больное, наивное, жестокое.
То время, когда я горланила
лучшие свои песни —
такие наивные, такие жестокие, больные.
То время, когда я влюблялась

в тех, кто на меня лишь похож:
в жестоких, в наивных, в больных.

А ты меня на дух не переносишь,
мои песни, мои воспоминания —
они раздражают тебя, выбешивают.
Ты бы предпочёл, чтоб меня не было вовсе.
Время моё тоже вытравливало меня.
Вы похожи с ним, как два брата.
И опять я сглатываю кровь,
захлёбываюсь от ударов,
и всё равно надеюсь, что меня приласкают

Когда уходит человек,
и комната гудит, немая,
ты в ней стоишь, осоловев,
и ничего не понимая,

но сразу замечаешь ты,
как всюду возникают сами
полупрозрачные следы
его нечаянных касаний:

салфетка, ручка, метроном
и чашка со следами чая.
Ты слышишь где-то за окном
ветвей неясное качанье —

их тронул человек живой.
Коснулся и ушёл, уехал.
А в комнате такое эхо.
Такое эхо, боже мой.

50 руб. ~~00~~ ^{Цена} Литературно-художественное издание
«ОБРАЗ»

Главный редактор: Дмитрий Филиппенко
Редколлегия альманаха:
Дмитрий Мурзин (Кемерово)
Юлия Сливина (Ленинск-Кузнецкий)
Амарсана Улзытуев (Улан-Удэ)
Светлана Уланова (Полысаево)
Анна Самойлова (Барнаул)
Антон Метельков (Новосибирск)
Юрий Татаренко (Новосибирск)
Компьютерная вёрстка: Дмитрий Филиппенко
Корректор: Юлия Сливина
Автор проекта: Дмитрий Филиппенко
Ответственный за распространение альманаха:
Ирина Надирова

ББК 023

023 Сборник литературных произведений.—
Ленинск-Кузнецкий:

Литературный альманах «Образ», 2019. 100 стр. 023

Все произведения и материалы, опубликованные в альманахе, охраняются законодательством РФ об авторских и смежных правах. Воспроизведение публикаций альманаха в каком-либо виде без письменного согласия редакции не допускается.

При перепечатке ссылка на альманах обязательна. За достоверность фактов несут ответственность авторы опубликованных материалов.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов. Редакция оставляет за собой право на литературную правку рукописей, не вступаю в переписку с авторами. Рукописи, присланные в редакцию, не рецензируются и не возвращаются.

Справки по e-mail: dimoet@yandex.ru

© Сборник литературных произведений, 2019

© Литературный альманах «Образ», 2019.

